

Лето
2025

SÖZDÄY

#4

Kazakhstani Independent Literary Magazine

Поэзия

*Лариса Сидорова
Андрей Дмитриев*

Проза

*Алем Айтбай
Дмитрий Говорухин*

Критика и переводы

*Тобиас Хилл
Василий Ширяев*

SØZDAY, N°3 (04) 2025

LITPRAKTIKUM
Алматы

SØZDAY

Независимый литературно-художественный журнал

Основан в июне 2024 года

№3 (04) 2025

SØZDAY - международный литературно-художественный журнал, издающийся в городе Алматы, Казахстан. Журнал публикует на своих страницах прозу, поэзию, эссе и литературные переводы.

Главный редактор: Илья Одегов

Литературные редакторы: Владислав Резников, Ольга Капитова

Веб-редактор: Алексей Талаев

Вёрстка и дизайн: Дина Абдулхамид, Дмитрий Перели

СММ: Алия Нуржанова

Координатор: Жанара Аламанова

Обложка: фрагмент картины Александра Осипова «Бабье лето»

Сайт журнала: www.sozday.kz

E-mail: sozday@sozday.kz

Не является средством массовой информации. Тираж печатной версии - 99 экземпляров. Электронная версия распространяется исключительно в культурных и образовательных целях.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора 4

ПРОЗА

Дмитрий Говорухин — ЗОЛОТОЙ ЧАС, *рассказ* 7

Анастасия Хатиашвили — ДВА РАССКАЗА, *рассказы* 19

Александр Крамер — МЕЧТА, *рассказ* 24

Ирина Садовина — В ПЕЧОРАХ, *рассказ* 26

Алем Айтбай — РУ 66, *рассказ* 31

Толкын Ажимуратова — МОЙ ДРУГ СТУЛ, *рассказы* 43

Мирон Карыбаев — СТАРАЯ СЛИВА, *рассказ* 49

Эли Смолха — ДЕКАБРЬ-МАРТ-НОЯБРЬ, *рассказ* 57

Владислав Резников — СОВЕРШЕННОЕ НИЧТО ИЛИ БЛА-БЛА-АГА,
рассказ 67

ПОЭЗИЯ

Лариса Сидорова — АПОРТ БЫТИЯ, *стихи* 77

Андрей Дмитриев — ЦЕПЬ НАБЛЮДЕНИЙ, *стихи* 81

Анастасия Дрибас — НЕТ, НИСКОЛЕЧКО, *стихи* 88

ТЕОРИЯ

Василий Ширяев — ТАБОР УХОДИТ В НЕБО ПО ТРУБЕ, *эссе* 93

ПЕРЕВОДЫ

Тобиас Хилл — МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ, *рассказ*,
перевод с английского Ильи Одегова 101

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Перед вами четвёртый (летний) выпуск журнала SØZDAY!

Этот номер удивил нас самих своей географической широтой и психологической глубиной. Мы с вами будем кочевать от канадских просторов до японских улиц, от американских мегаполисов до индейских прерий. И среди авторов номера есть писатели не только из Казахстана, но и из Великобритании, Германии, Грузии, Украины, России... В этот раз мы добрались аж до самой Камчатки. Целая литературная карта мира! И в этом мире есть как лауреаты престижных премий, чьи имена уже знакомы читателям, так и дебютанты, для которых публикация в SØZDAY стала первой ступенью в большую литературу.

А в мире внутреннем мы будем балансировать между светом и тьмой. С одной стороны, этот выпуск буквально пропитан тёплым, а иногда и жарким светом. Здесь солнце обжигает кожу, пламя страстей освещает судьбы героев, в сюжетах полыхают пожары, а в воздухе витает надежда на светлое будущее. Что ж, лето диктует свои правила — и мы им следуем. Но там, где есть свет, неизбежно появляются тени. Рядом с сиянием здесь живёт тьма: странное и необъяснимое, тайные страсти и тёмные закоулки человеческой души. Мы приглашаем вас в это путешествие по свету и тени, по жаре и прохладе, по знакомому и неизведанному. Пусть этот летний выпуск станет для вас не только чтением, но и открытием — новых голосов, новых миров, новых граней человеческого опыта.

Приятного чтения!

Илья Одегов,
главный редактор журнала SØZDAY

ПРОЗА

Дмитрий Говорухин

ЗОЛОТОЙ ЧАС

рассказ

Это был маленький и, может, даже захолустный город. Весной его будило хлопанье крыльев шумных грачей. Летом он купался в зелени и аромате яблок, а зимой кутался в пышные снега и печной дым. Осенью, в бабье лето, город спокоен и красив: красные и рыжие листья клёна, тёмные от коротких и частых дождей стволы дубов, прозрачные и воздушные берёзы. Для коренных обитателей разухабистые дороги, немного покосившиеся бревенчатые дома и коровы на обочинах привычны и незаметны. Тихонечко, не замечая недостатков, а может, и не обращая на них внимания, жители любили свой город. Был он чистым и тихим.

Толмачёва в город заманил оператор-постановщик, у которого здесь жил старый дед. Угощаясь шашлыками под дедовскую настойку на рябине, Толмачёв, хоть и понимал искренний интерес оператора, ясно решил, что финальные сцены своего нового фильма он будет снимать только здесь. И дело совсем не в настойке и пенной ряби цветущих садов, а в каком-то особом цельном настроении небольшого городка. С холма перед ним открывался такой простор, что душа сама пела. Пока оператор Юра Бек объяснял деду, чтобы тот ждал гостей к следующему сентябрю, Толмачёв вышел к обрыву у речки-ручейка. Вдали медленно уходило солнце.

У Людмилы учёба не задалась. Поступив в медицинское училище, она столкнулась с тем, что мечтать о большом городе и быть его

Дмитрий Говорухин — писатель, поэт. Родился в Алматы 19 июня 1971 года. Создатель журнала «Мир Путешествий» и газеты «КазкоммерцNews», где занимался редакторской работой, делал фоторепортажи и писал статьи. Автор стихов для песен алматинской группы «Блюз Мотель». Песня «Про солнце» получила премию «Открытие года» на музыкальной премии канала A1 (НТК) в 2001 году. Был в числе трёх номинантов на звание «Поэт-песенник года». Попал в лонг-лист премии Qalamdas – 2025.

частью — совсем не одно и то же. Учиться в «меде» совсем не просто: много откровенной зубрёжки. Принять сразу после школы мир латыни и терминов, от которых исходит пыльный запах столетий, дано избранным. Остальные могут рассчитывать на своё упорство и терпение. В то же время девушке хотелось весёлой и красивой, как в глянцевом журнале, жизни. И если дружное студенческое товарищество в целом обещало обеспечить ощущение праздника, то вот на красивую жизнь нужны деньги, связи и, наверное, что-то ещё. Денег вечно не хватало, и тем более не хватало мыслей и понимания, как перестать быть приезжей и, наконец, подстроиться под ритм новой действительности. Быть провинциалкой в большом городе Людмила точно не хотела. Путаница в голове привела к ожидаемому результату. К экзаменам первого курса, кроме паники и сумбура, в голове крепко поселился только невесть кем придуманный стишок для запоминания костей носа по анатомии, рассказанный знакомым студентом:

*Как на Lamina Cribrosa
Поселился Crista Galli,
Впереди — Foramen Caecum,
Сзади — Os Sphenoidale.¹*

Какой гранью могла повернуться жизнь Людмилы — неизвестно, но её куратор дал дельный совет. К его словам девушка неожиданно прислушалась и взяла академический отпуск.

Людмила ожидала, что, вернувшись в свой город, она вновь укутается в тёплое лоскутное одеяло прежней жизни: родители, пирожки с капустой, яблоки на подоконнике. Но год самостоятельной

¹ Стишок из медицинского фольклора для запоминания костей черепа, рассказанный мне мамой:

*Как на Lamina Cribrosa поселился Crista Galli,
Впереди – Foramen Caecum, сзади – Os Sphenoidale,
Sella turcica – на теле, чтоб где мозгу было сесть.
Сзади спинка с бугорками, в середине ямка есть.
В центре тела спрятан sinus, он разделён пополам,
Разделяя половинки, Septum Sinus стала там.
И из каждой половины путь наружу есть недлинный,
А куда они зияют – ни один студент не знает.*

жизни уже изменил её. У подруг разговоров-то только о мальчишках да будущем замужестве. А мальчишки, на которых заглядывалась ещё не так давно, казались нескладными великовозрастными увальнями. К слову, парни и впрямь робели и тушевались, когда она использовала приобретённые «общажные» приёмчики. У некоторых даже краснели щёки или уши. В целом, Людмила стала понимать, что может поступать так, чтобы мир начинал вращаться вокруг неё. И это ей нравилось.

Городок жил своей спокойной жизнью. Люди не спеша просыпались, шли на работу, по вечерам встречаясь под «сиреньями» вокруг Дома культуры. Многие — через магазин. Кто-то там за кефиром, а кто-то и за крепенькой. Не торопясь. И эта размеренность мягко обволакивала, меняя биоритмы. Людмиле скоро стало не хватать живых и бойких вибраций большого города. Казалось, что вокруг всё скучно и как-то тягуче медленно. В большом городе энергия идёт в расход, а в маленьком, наоборот, накапливается. Как ни крути. Энергия искала выхода, и девушка решила найти работу.

О приезде съёмочной группы Толмачёва в городе узнали почти все и сразу. И весть о том, что известному режиссёру нужны будут работники, тоже моментально облетела все дома, дворы и закоулки города. Людмила сразу заинтересовалась перспективами. Подработать у киношников? Это идеально для студента в «академе». Разнорабочие, актёры массовки, помощники всех мастей — от визажиста и декоратора до костюмера и администратора — этих можно быстро нанять на месте съёмок, недорого.

— Найди мне рулон картона и розово-полосатую ленту. Нужно срочно!

— Ну не может быть, чтобы у вас здесь, в глуши, не нашлось трёх обычных берёзовых брёвен!

— Мне сейчас нужен хайлайтер, а не шиммер!

— В этом городе бывает просто латте, в конце концов? С корицей!

Помощники нужны всем. Но Людмила день главного найма просто проспала.

Когда Людмила пришла к директору съёмок, мест в массовке уже не осталось. Как и других вакансий. Девушка думала уйти, когда к ней подошёл задумчивый мужчина, сунул в руки большой блестящий экран и сказал идти за ним. Мужчину все звали Дамирыч, а

Людмила вдруг в одночасье стала помощником художника по свету.

Задачи перед Дамирычем всегда стояли сложные. Он должен осветить всех и всё, но по-разному. Всю сцену укрыть солнечным светом. Здесь — выделить предмет, а тут — акцент на правую (ну или левую) часть лица актёра.

— Это мы с тобой делаем картинку, — говорил девушке осветитель. — При этом лучший свет — тот, который потом никто не заметит.

Отражения и тени затянули Людмилу. Скоро она с удовольствием таскала экраны, лампы, фильтры и провода.

Поначалу Людмила заглядывалась на актёров. Конечно. Какые они красивые, как двигаются, как ярко говорят. И даже почти влюбилась в одного из них. Во всяком случае, сердце волнительно трепетало, когда она случайно обращала внимание на правильно-красивое лицо актёра главного отрицательного персонажа. Но вне съёмочной площадки он оказался таким же, как и в кадре — неприятным и ненастоящим. По мнению Людмилы, его нужно было бы совсем исключить из труппы.

Зато всё чаще её взгляд непроизвольно устремлялся на Главного. Ей стало просто интересно наблюдать за тем, как он работает, как управляет почти хаотичным процессом, который жил, казалось бы, своей странной жизнью.

К главному режиссёру обращались по-простому — по фамилии, реже называли Главным.

— Толмачёв, ну что ты меня вечно гонишь? Дай, я хоть картинку выставлю, потом гони, сколько хочешь!

— Толмачёв, ещё одну сцену переделаешь — и я больше тебе писать ничего не буду, ничего!

— Главный, у меня есть дельная мысль, мне так думается!

— Алексей Анатольевич, я вам кофе сварила, — по имени и отчеству к нему обращалась только его секретарь, хотя она и была старше Толмачёва лет на десять.

Вскоре неглупая девушка стала чувствовать ритм и нерв съёмочного процесса, который вращался вокруг Толмачёва. Этот водоворот затянул и её.

А Толмачёв, как всегда, полностью погрузился в такой любимый им мир кино. Создавал течения и сам же плыл по линии сюжета. Он отслеживал общее настроение, учитывая при этом нюансы. Пе-

реживал за каждого актёра, проживая сцены жизни героев своей картины. Из сценария, но и всё же и из калейдоскопа собственных образов Толмачёва неспешно собирался будущий фильм. Он любил свою работу так, что сам не знал, когда он настоящий — сейчас, на съёмках, или, может, с семьёй дома. Такое раздвоение — на грани психиатрии. Талант, одним словом.

Будучи мастером своего дела, Толмачёв ценил и даже обожал свою команду. Но вот в последнее время он стал замечать некую неправильность, какой-то непонятый им оттенок, диссонанс. К вечеру, когда свет уходил, у него, бывало, стали получаться кадры лучше, чем планировал. Сначала это было незаметно: удачные кадры Толмачёв записывал жирным плюсом оператору. Хотя несколько вечерних кадров удивили даже человека с камерой, проверенного Юру Бека. Толмачёв даже посмеялся над ним — мол, однажды захочешь свой фильм снять. Работа кипела, забот полон рот. И два главных героя команды пока не стали уделять много внимания тому, что снято хорошо.

Так процесс и шёл. Однажды после очередного дубля Толмачёв поднял голову к небу. Он должен был увидеть последние на сегодня солнечные отблески. Но на небосклоне царили уже прощальные закатные краски. Светило ушло, как и пресловутый «свет». Они снимали эпизод, пожалуй, уже лишние полчаса. Прежде чем сказать всегдашнее «Стоп, на сегодня снято», Толмачёв заметил кое-что необычное. Отражатель в руках молодой помощницы гафера² светился тёплым мягким светом так, как будто всё ещё собирал лучи ушедшего солнца. Это было настолько неожиданно, что Толмачёв смог лишь пробурчать себе под нос что-то вроде «На сегодня достаточно, пожалуй», и, встав с режиссёрского кресла, задумался, закурил и уставился задумчиво на горизонт.

А Людмила? Если бы кто-то ей сказал, что отражатель в её руках светится сам по себе, она бы сначала рассмеялась, а потом рассказывала бы про золотой час³, углы отражения, преломление и спектр, про которые многое узнала у опытного Дамирыча. Но когда

² Человек, отвечающий за световое оборудование во время съёмок. Слово пришло на смену старому «осветитель».

³ В фото- и видеосъёмке, время за час до захода солнца и час после его восхода. Считается лучшим по освещению.

она поздними вечерами возвращалась со съёмок домой, ей никогда не бывало темно. Только горели навстречу глаза местных кошек. Таретум⁴.

В ночь после этого случая Толмачёв долго просматривал отснятый материал. Это было хорошо. Слишком хорошо, пожалуй. От эпизода к эпизоду свет стал усиливать и нагнетать эмоции в каждой сцене: где-то резче тени, падение луча на один предмет, на другой, отсвет в глазах героев. Всё усиливало сюжет и игру актёров, приближая финал, умножая страсть. Это выглядело сильно даже на сыром материале, и после долгих дней монтажа могло стать настоящей «бомбой». Ему нравилось, но он это так не планировал.

Толмачёв сначала был рад, затем удивлён. Потом, закурив очередную сигарету, откинувшись на спинку «выездного режиссёрского» кресла, он испугался. Толмачёв старался снимать кино как спектакль. От одного фрагмента к другому, чередуя аккуратно отстроенные мизансцены и непредсказуемые трюки, он подводил актёров к финалу. Кто-то однажды сказал, что свет ramпы во время спектакля высветит каждую ложь, но может и простить, и даже посмеяться. Бездушная же камера навеки зафиксирует отрезок времени. Это — основа, безмерно важное для кино правило. И Толмачёв любил подвести свою команду к финальным сценам так, чтобы уже подуставшие к концу люди отсекали всё лишнее, но выдали максимальную эмоциональную энергетiku, которую почувствует зритель. А вот новый свет не оставлял ему шансов ни для планов, ни для импровизации. Вдруг случилось так, что юная помощница Дамирыча стала управлять процессом.

Шансы удачно закончить съёмки рабочего материала на нужном и задуманном Толмачёвым для него уровне устремились вниз. И всё из-за экрана, который решил сам по себе светиться в руках девочки из провинциального городка, взяв на себя функции солнечных лучей. Теперь акценты расставлены так, что при малейшем сбое этого уникама, можно сказать, волшебного света, фильм померкнет. Станет тусклым там, где должен быть запланированный аффект.

Толмачёв объявил день отдыха. Позвал Дамирыча и Бека в баню. Говорили долго и искренне. Выпито тоже было немало, но зато к

⁴ У некоторых животных (например, у кошек) - блестящий слой за сетчаткой глаза, благодаря которому глаза светятся в темноте.

утру чудо заболталось, перестало быть чудом и стало то ли фактором, то ли условием, некой данностью. Решили снимать дальше, стараясь пройти по кромке реальности. В конце концов, изменение в световых акцентах не заметит большая часть зрителей. Вот только Толмачёв думал о том, что этот фильм — во многом его очень личное, искреннее, его откровение. То, что никто не видит. словно Мона Лиза улыбается так, чтобы вскоре отвернуться и заплакать.

Договорились даже не дышать в сторону Людмилы.

Людмила не могла сказать точно, что с ней происходит. Она даже не могла вспомнить все события каждого предыдущего дня. Да и не хотела как-то анализировать этот этап своей жизни. Летела, летала. Потом просто запихивала в себя ужин, приходя домой затемно. А, упав в разноцветный сон, продолжала свою жизнь на съёмочной площадке.

Во сне, конечно, всегда всё по-другому. Экраны, которыми она управляла, превращались в непробиваемые щиты или в яркие и смертельные ловушки для всевозможных врагов и разной нечисти, каждый раз спасая жизнь главного героя её снов. Он бился за неё то огненным мечом, а то и просто из пулемёта, крошил сумрачных врагов, прятавшихся в тени. Они в ответ устраивали подлые засады. И каждый раз Людмили свет ему помогал. А потом они вместе смотрели на закат под уходящие в небеса титры. Бред, конечно. Но Людмила с трудом просыпалась по утрам, выдёргивая себя из сказок подсознания, почти опаздывая каждый раз к началу съёмочного дня.

Людмила, расставляя свет и таская извивающиеся кабели, ощущала себя в полной мере соучастником большого кино, частью творческой мастерской грёз. Возможно, впервые в жизни её захватил тот поток, когда дело спорится, а все нужные решения известны наперёд. При этом всё чаще она стала замечать на себе пристальные взгляды со стороны. То оператор, то Дамирыч, бывало, и Главный смотрели на неё с каким-то неуловимым подозрением, а может, и ожиданием. И каждый такой взгляд вызывал в её сознании сомнения и трепет. Впрочем, взгляды отводились в сторону, а слова, наоборот, звучали с одобрением. Это смущало, тем более что героем её ночных грёз окончательно стал Толмачёв, который по сценарию снов на эту роль совершенно не подходил. Представить его стреляющим из пулемёта можно было только в странных фантазиях.

Тем временем съёмки в городке подходили к концу. Где-то в близком будущем нужно будет доснимать декорации большого города, модных кварталов и современных офисов. В ожидании нужной погоды для последней сцены работы почти не было. Все ходили весёлые — как это делают люди, хорошо сделавшие свою работу в ожидании финала. Оставалось вместе поставить яркую точку. И этот день настал. Гидрометцентр не подвёл, и рассвет подарил нужные облака и лёгкий ветерок. Солнце только всходило. Людмила, понимая, что такой день может повториться не скоро, всё внимание уделила приборам и отражателям, когда на её плечи легли чьи-то руки. Они словно ударили током, одновременно даря тепло.

«Пожалуйста, давай сегодня мягче. Просто будь спокойнее», — Толмачёв с лёгкой улыбкой почти прошептал ей свою просьбу, оказавшись у неё за спиной, вместо привычного места за монитором.

И вот, спустя время, он уже громко объявил:

— Стоп, снято!

— Ах, какие вы все молодцы!

В ответ раздался общий радостный рёв, который сам Толмачёв и начал. Сейчас не было ни режиссёра, ни разнорабочего. Был дружный и счастливый коллектив, восторженный, сбрасывающий с себя груз ответственности, радуясь моменту и ощущая одно на всех минутное счастье. Вот уже достали припасённое игристое. Пробки в воздух. Туда же полетела большая белая тарелка с надписью «спасибо» — собственная традиция Главного. На то, как она разлетелась на осколки, почти никто не смотрел. Люди пожимали друг другу руки, похлопывали по плечам, обнимались. В глазах играли искры. Толмачёв смотрел вокруг, как фотоаппарат, запоминая фрагменты, и думал, что эти мгновения большой искренности стоили затеи с очередными съёмками. Может, за эту большую радость он и выбрал профессию.

Людмилу захватило общее настроение. Ушли мысли, её натуру увлекли яркие картинки и состояние восторга. Броуновское движение людей на площадке вынесло её напрямиком к Толмачёву. Вдруг, глядя ей в глаза, он что-то сказал. Людмила, не расслышав, переспросила.

— Ты, когда всё закончится, не уходи. Мы с Бексом хотим кое-что доснять.

— А? Да, поняла. Конечно!

А потом сдвинулись столы, пошли тосты и воспоминания о близком прошедшем, которое, увы, неповторимо. Дамирыч, смеясь, усадил за стол мимо проходящую по своим делам бабушку, которая не понимала, что происходит, но с интересом вслушивалась в разговоры. И оказалось, что секретарь Толмачёва знает массу смешных анекдотов, гримёр может из ничего делать отличные коктейли, а главный герой приятным баритоном великолепно поёт итальянские народные песни.

Постепенно ажиотаж спадал, ветер, наоборот, дул всё сильнее. Решили перебраться к деду Бека. Как-то вдруг все разъехались, стало совсем пусто. А небеса только начинали свой спектакль для тех зрителей, у кого хватило терпения ждать.

— Бек! Бек, давай уже! — призыв Толмачёва был не нужен. Оператор, накрыв плёнкой себя и камеру, превратился в странное, наполовину пластиковое существо. С неба посыпались крупные капли. Внизу, под обрывом, ветер волнами гонял листву зелёного моря. Чёрная туча загрохотала, запуская молнии. А за ней, в просвете у горизонта, медленно уходило огромное солнце. У Людмилы перехватило дыхание — то ли от плотного с дождём ветра, то ли от величия происходящего. Грянул громовой залп.

— Это никогда не повторится! — склонившись над Людмилой, восторженно прокричал Толмачёв, стараясь перебить дождь и грозу. — Что-то будет потом, в следующий раз. По-другому. А это, — он раскинул руки, — не повторится!

Толмачёв подошёл к краю обрыва и замер, глядя за краешек уходящего солнца. Ветер развеивал его одежду, косые струи воды хлестали со всех сторон. И Людмила не могла понять, глядя на его силуэт — он правит грозой или сама стихия влечёт его по своим тропам. В голове звучал Рахманинов, а может, Чайковский.

Вскоре гроза улетела дальше, куда-то за спину. Небо величественно расцвело отражёнными лучами, купая всех, кто хотел на него смотреть, в необыкновенных красках. Бек не отрывался от камеры, высунул из-под накидки большой палец.

Гроза пролетела.

Бек не был плохим водителем. Просто устал. Просто этой дорогой после дождя не пользовались даже местные жители. Объезжали поверху. Подъём, а за ним — резкий спуск в овраг по глине — превращают путь в испытание. А тут ещё и кошка. В темноте все кошки

серые. Эта была серо-пятнистая. Куда и откуда она бежала в такую погоду — узнать уже невозможно, но в наступившей полутьме её глаза сверкнули двумя фарами. Тапетум. И Бек чуть дёрнул руль. Машину в мокрой грязи тут же занесло, крутануло, понесло. Шансов почти и не оставалось.

Неуправляемый автомобиль повернулся в грязи в одну сторону, в другую. Разогнался санками и, на повороте, развернувшись боком, покатился кубарем в овраг. Когда ты внутри, понять, что происходит, невозможно. Верх и низ меняются местами слишком часто. Людмила даже не моргнула, пока не почувствовала последний удар. Грохот. Сыпались стёкла. Просто мгновения неизбежности, слабый, как потом казалось, толчок — как точка нового отсчёта. А дальше — шок и бред вестибулярного аппарата. Машина вместе с людьми кувыркалась по склону, а в голове у Людмилы только одно: Господи, не сейчас, не время, не так. Мятый металлический каркас всё же встал на истерзанные колёса. Как будто выдохнул.

– Живы? – с наигранной уверенностью в голосе спросил Бек.

– Живы, – ответил Толмачёв за себя и Людмилу. Обычное дело.

– Выбираемся быстро. Наружу. Давайте быстро наружу, – Бек отщёлкнул ремень безопасности, подёргал заклинившую дверь и ввалился в проём разбитого лобового стекла.

Как Людмила оказалась снаружи, она и не помнила, но Толмачёв оставался в машине, похрипывая на каждом выдохе. В темноте можно было лишь уловить его движения. Пришлось вернуться.

– Я не могу, – выдохнул Толмачёв, – как будто держит что-то.

А Людмила взяла и засветилась вся вдруг – руки, лицо. Искорёженный салон и даже ближайшие кусты засияли мягким солнечным светом. Стало видно, что тело Толмачёва запуталось в каких-то кусках ткани декораций. Людмила дёргала и тянула полотно так, что искорёженный металл машины ходил ходуном. Вытащила. Оттащила, упала без сил. Машина не взорвалась, опровергая все киношные стереотипы. Бек лежал рядом и часто дышал.

– Эй, вы там как? – голос сверху склона прозвучал неожиданно.

– Это правда? – Толмачёв сквозь темноту смотрел в сияющие глаза Людмилы.

– Не знаю. Совсем-совсем не знаю, – Людмила почти шептала. – Ну и неважно. Ты живи только, ладно? Пожалуйста!

Толмачёв вдруг рассмеялся. Покашливая и постанывая, он обра-

щался к оператору:

– Бек! Юра, ты это слышал? Она не знает! Совсем-совсем не знает!

Бек тоже улыбался, глядя в уже свободное от туч, внезапно звёздное небо. В мёртвом автомобиле чудом работала магнитола.

А потом зазвонил на всю округу вылетевший при аварии телефон. После пришли резкие взволнованные крики, лучи фонарей, спасатели, друзья. Завертелась другая карусель.

Для Людмилы это выглядело как кадры несмонтированного фильма. Яркий свет. Люди, спустившиеся от звёзд на верёвках, укладывают Бека и Толмачёва в оранжевые пластиковые санки. Синие всполохи по кустам и веткам от машин скорой помощи. Чьи-то чёткие и короткие команды. Чьи-то крепкие руки. Дальше туман.

Толмачёва сразу увезли в московскую больницу. С Людмилой он не смог даже созвониться. Потом ему надо было доснять материал, дальше пошли монтажи, показы, интервью. И яркий успех. Нет, он звал на премьеру, прислал красивое приглашение, не забывал. Но у неё началась учёба и появилась цель – стать настоящим врачом. Да и уже как-то неловко было ехать. А там полетели месяцы, годы. Жизнь пошла своим новым путём.

– Людмила Геннадьевна, к нам режиссёра привезли! Толмачёва! – старшая сестра зашла без стука, её взволнованный голос сразу выдернул Людмилу из текущих дел.

Людмила сняла очки, посмотрела на аккуратные стопки бумаг, встала и подошла к окну. Вернулась. Сердце на мгновение заколотилось в груди, но она тут же взяла себя в руки. Всё-таки она не первый год директор. И уж точно не первый год врач.

– Марина Сергеевна, прошу вас быть точнее. Когда поступил? Какой анамнез? Почему к нам, в конце концов? И почему я не в курсе?

– Я... я не знаю. Срочно и всё. – На стол легла увесистая папка с документами. – Сказали, что он очень просил.

Людмила открыла папку и быстро нашла самое главное.

– Марина Сергеевна, идите на пост. Дайте мне полчаса разобраться.

Людмила вчитывалась в сухой медицинский язык. За назначениями и отчётами она понимала и видела, как её коллеги пытались вытащить Толмачёва. Как он бился, боялся, мучился, сражался, как надеялся и вновь терял надежду на жизнь. Она видела всю долгую

бесконечную боль человека. Ну нет же, нет! Так нельзя! Кто решил, что она сможет его спасти? Перевод пациента из центрального онкоцентра к ним в городок нельзя было оправдать ничем. Мозг Людмилы вдруг отказался работать. Впервые за многие годы мозг не искал решений. Хотелось просто сбежать.

Она взяла себя в руки, поправила причёску и пошла в палату к больному. Пошла к Толмачёву.

Толмачёв лежал, немного повернув голову в сторону двери. Измождённый и худой. Последние месяцы изрезали лицо морщинами. Людмила подошла и взяла слабую руку. Обтянутые сухой кожей пальцы с благодарностью ответили на лёгкое рукопожатие. С его глаз как будто сошла пелена, взгляд стал внимательным и осмысленным. Живым.

– Прости, что так, – Толмачёв чуть сильнее сжал ладонь Людмилы. – Только ты ничего не говори. Это я... я давно должен был тебе сказать.

– Свети! – тихое слово ошеломило Людмилу, пронзило током. По телу прошла волна тепла, а в палате заискрились и взорвались, забушевали все краски заката. Цвета грохотали, перетекали, сливаясь и расходясь в волшебном танце. Создавая вечную гармонию.

Людмила понимала, что произошло. Толмачёв тихо ушёл. Ему не было больно, на губах осталась лёгкая улыбка. Только долго ещё в сумерках светились мягким светом окна городской больницы.

Кино закончилось.

Анастасия Хатиашвили

ДВА РАССКАЗА

рассказ

ВЫХОД

В тот вечер Марго призналась мне, что практикует выход из тела. Я не просто не поверила, я даже не сразу поняла, о чём она говорит. Марго провела тонкой изящной рукой с массивным перстнем по своему белому, как мрамор, лбу, будто нащупывая на нём точку, которая способна всё объяснить.

– Ну смотри: есть же повседневное выражение «выйти из себя». Это когда человек ведёт себя не совсем так, как всегда, – начала объяснять Марго. – Он может кричать, психовать там, ругаться. Ну бывает же такое у вас в семье, с мамой или папой?

– Ну да, бывает, – я не сводила с неё глаз.

– А сейчас убери все психи, оставь чистое сознание и только выражение «выйти из себя».

Я задумалась. Меня сбивала с ума броская красота Марго. Я никогда не видела красивого человека так близко. У нас на курсе есть несколько красивых ребят, но они обычно сидят на передних рядах, ближе к лектору, и я с ними редко пересекаюсь. Даже не знаю, как

Анастасия Хатиашвили — журналист, переводчица, поэтесса, автор сборника рассказов «Грузия такая Грузия», документальной книги о Белле Ахмадулиной «Больше, чем сны», романа «Лучшее, чего у меня нет». Родилась в 1985 году в городе Рустави (Грузия). Выпускница журфака Государственного технического университета. В разные годы работала на грузинских русскоязычных телеканалах. Сотрудничает с несколькими информационными агентствами. Писательский дебют Хатиашвили состоялся в 2006 году в тбилисском литературном альманахе «Я-Автор». В 2014 году вошла в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Малая проза» с подборкой рассказов «Завтра война». Финалист международных литературных конкурсов «Русская премия» и «Открытая Евразия».

бы повела себя, столкнувшись лицом к лицу с одним из них. А Марго сидела прямо напротив меня, зажигала свои головокружительные благовония и говорила о внетелесных переживаниях, как о прогнозе погоды на завтра.

– Погоди, – Марго вскочила и убежала на кухню.

Я огляделась. Конечно, я слышала, что у творческих людей бывает бардак в доме, но такого хаоса ещё не видела. При этом каждый миллиметр этого скопления картин, красок, кистей, книг, рисунков, карандашей и каких-то кусочков разноцветной ткани словно дышал запахом Марго.

От неё пахло молодостью: от ушей и шеи немного жжёной карамелью, от завораживающих рук – миндальным мылом, а когда она открывала рот, озвучивая о себе невероятные факты – уточнённым ароматом шоколадных сигарет Charman. Все эти три букета благоухания вместе со смоляной копной её волос за спиной, пахнущих утренним душем, заставляли меня приходить сюда почти каждый вечер после того, как я заучивала наизусть все свои университетские конспекты.

Марго вернулась в комнату в чёрном длинном атласном халате. На пороге она лихо притормозила – с подноса в её руках чуть не слетели чашки с кофе – и халат оголил мышцу правого бедра. У Марго были шикарные формы ног. Я подняла глаза на поднос и подбежала ей помочь. Поднос она поставила на низкий пуф между нами, как на преграду, которую нельзя пересекать.

– Что это за ощущение, расскажи, – попросила я Марго.

Она медленно сделала глоток кофе, закрыла глаза, будто набрав воздух в лёгкие, несколько томительных секунд, потом открыла их, будто вернувшись из воспоминания о последнем «выходе», осторожно вытащила сигарету из пачки и прикурила её от горящей свечи рядом.

– Объяснить это трудно, – сказала она и выпустила в меня сладкий дым. – В первый раз, много лет назад, я долго мучилась, пробовала выйти, но всё не получалось. Я уже отчаялась и, помню, даже расплакавшись, бросила попытки. И вдруг я осознала, что наблюдаю за собой с потолка. Я увидела мой неровный пробор волос на голове. Ещё усмехнулась его неровности. Нет бы удивиться, почему я вижу себя сверху. А я...

– Что ты чувствовала? – нетерпеливо перебила я её.

– Ничего... Или пустоту и наполненность одновременно. Но главное, я не чувствовала связи с той, что сидела внизу.

– Как? Никакой связи?

– Она была расстроена, плакала, она чего-то хотела. Что-то кому-то доказать. Глупенькая. А у меня, парящей у потолка, не было желаний.

– Совсем никаких?

– Нет. Мне никогда не было так легко. Так на всё плевать. Ни одна страсть не стесняла мою душу, и это было прекрасно. Мне не хотелось возвращаться в своё тело.

– Это как-то жутко, – сказала я вслух то, что подумала, и сделала несколько быстрых глотков горького кофе.

Марго предложила мне сигарету. Я взяла её.

– Попробуй и ты, – тихо сказала она.

– Что, прямо сейчас?

Марго улыбнулась и кивнула. И я сделала всё, как она сказала. Удивительное чувство: воздух над нами был осязаем, как пуф под моими ногами. Более того, именно воздух вытолкнул меня из тела, и оно вдруг упало, как марионетка без рук своего кукловода. Боже, я так некрасиво упала, подкосилась, как на ледовом катке в прошлое Рождество. Марго вскрикнула, пнула своей красивой ногой пуф с чашками в сторону. Всё полетело и разбилось. Стены окрасились в густые капли чёрного кофе, погасла свеча, упавшая на ковёр под мои обессиленные ступни. Марго сильно встряхнула меня и что-то крикнула прямо в лицо. Но наверху, у потолка, я ничего не чувствовала. Вернее, всё происходило, как во втором акте самой грустной буффонады на свете.

Я пришла в себя через минуту, когда Марго окатила меня холодной водой из лейки для кактусов на её пыльном подоконнике. Это был обычный обморок, объяснила Марго – я не предупредила, что это была моя первая сигарета, да ещё и с горьким крепким кофе.

– Дурочка, как же ты меня напугала, – так мило упрекнула меня Марго, с тревогой вытирая моё растерянное лицо прохладным халатом.

А я не знала, как ей сказать, что у неё до сих пор неровный пробор волос на голове, и что с потолка она в этом чёрном халате и с голыми белыми ногами смотрится, как самая изысканная японская скульптура нэцкэ.

ПОПЫТКА

Наверное, каждая женщина хоть раз думала о том, чем она займётся, если вдруг умрёт её муж. Кира задумывалась об этом чуть чаще, чем другие. Обычно это случалось во время командировок мужа, когда она оставалась наедине со своими нереализованными желаниями.

Мириан отправлялся в поездки не реже раза в сезон. Иногда это длилось неделями. Тогда они каждый вечер созванивались и рассказывали друг другу, как провели день. Но в этот раз Мириан сказал, что командировка особенная – на кону судьба компании. Шмыгнув носом, добавил, что три дня его лучше не беспокоить. Он сам позвонит после успешной сделки, заверил жену, поцеловал её в лоб и, поспешно схватив чемодан кизилового цвета из кожи новогвинейского крокодила, вышел из уютной трёхкомнатной квартиры.

Кира, не раздвигая полупрозрачных штор, посмотрела в закрытое окно на подъехавшее такси, помахала мужу, который даже не взглянул в её сторону, и закурила сигарету, запах которой Мириан на дух не выносил. Она глубоко затянулась и выпустила дым вверх, создав над головой никотиновый ореол. Авторы комиксов написали бы в этом месте пару значимых слов, но Кире было не до вербального анализа её состояния. Она твёрдо решила действовать.

Две пересадки на автобусе, один паром, такси – и перед ней открылось необычное архитектурное творение миллениалов в стиле, который показался ей противоречивым брутализмом. Панорамный лифт с видом на бесконечную долину произвёл на Киру не совсем ожидаемое впечатление: от волнения разболелась голова. Бескрайность равнины напомнила ей о попытках изменить жизнь к лучшему – о мечтах, которые она рисовала в двадцать пять лет, ещё до встречи с Мирианом. Кира прижалась к стеклу лифта.

– Вы, наверное, знакомы с процедурой, но я напомним основные моменты, – произнёс мужчина в длинном фиолетовом халате.

Кира кивнула.

– Тест на сочетаемость партнёров проводится только с согласия обоих кандидатов. Если ваш партнёр не может присутствовать на собеседовании, вы должны иметь при себе существенные доказательства причины его отсутствия, от недееспособности до агора-

фобии. Список длинный. Уверен, вы отметили в анкете пункт, по которому ваш супруг сегодня отсутствует.

Кира опять кивнула.

– Также хочу напомнить, что наш центр не выступает в качестве какой-либо из сторон на бракоразводных процессах, в судебных тяжбах и не делает повторных анализов. Один шанс – одна жизнь. Это наш девиз.

Когда Кира спускалась в панорамном лифте, она уже не смотрела на долину. Прямо у брутального здания работало миниатюрное кафе. Всего пару столиков и один официант. Кира заказала зелёный чай с лаймовым пирогом. Рядом сидела девушка с ребёнком на коленях. Малыш не отрывал взгляда от мобильного телефона. Маленькие пухлые пальчики ловко скролили экран.

– А я так и не нашла в себе сил открыть результаты, – бросила девушка Кире как бы невзначай.

– Какие результаты? – смешалась Кира.

– Теста, который вы держите в руках. Это ведь то, о чём я думаю?

Кира посмотрела на фиолетовый конверт в руке. Она о нём даже забыла. Ребёнок внезапно заплакал и начал капризничать. Девушка поспешно засобиравалась и покинула кафе, оставив на столе пару купюр. Лаймовый пирог оказался приторным, но, странное дело, головная боль прошла.

Такси, паром, две пересадки на автобусе – и Кира вернулась домой. Мириан позвонил раньше, чем ожидалось – не прошло и двух дней с его отъезда. Муж сообщил, что сделка затягивается, и ему придётся остаться ещё на неделю. Кира открыла шторы и закурила в открытое окно.

Каждая женщина хотя бы раз задумывалась о том, чем займётся, если её муж внезапно умрёт. Кира думала об этом чаще других. Обычно это случалось во время длительных командировок мужа, когда она оставалась наедине со своими нереализованными желаниями.

Александр Крамер

МЕЧТА

рассказ

1

Один человек, по фамилии Ложкин, купил себе лошадь. Достатки у него были не велики, и потому он купил себе не ахалтекинского скакуна, а простую деревенскую кобылу. Впрочем, он в этом не разбирался и значения этому не придавал. Так что радости его это не мешало и ущербной её, таким образом, не делало.

Ещё утром этого дня он жутко нервничал. Сначала его сильно знобило, потом напал душераздирающий кашель, наконец прошиб холодный пот, и он вынужден был забраться под душ. Только перед самым уходом его, наконец, отпустило. Совершенно разбитый, Ложкин сел прямо на пол и так сидел, ни о чём не думая, минут двадцать, после чего, пожалуй, был готов одеться и отправиться в путь. Но что же надеть?! Почему-то казалось невероятно важным то, как он будет одет. И тогда Ложкин оделся так, как одеваются на долгожданный и торжественный праздник.

Поэтому теперь он, одетый в свой праздничный темно-синий костюм, светло-голубую рубашку с галстуком и начищенные до блеска чёрные туфли, сияя обалделой улыбкой, церемониальным шагом шёл возле гранитного бордюра и вёл в поводу лошадь...

Александр Крамер — родился в 1953 году на Украине, в Харькове. С 1998 г. живёт на севере Германии, в Любеке. Окончил Харьковский политехнический институт. По профессии инженер, работал на заводе, участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Пишет с харьковских школьных времён. В Харькове появились и несколько первых поэтических публикаций. В Германии стал писать прозу. Публиковался в периодических литературных изданиях Украины, США, Канады, Болгарии, Германии и Израиля. В 2009 году несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013-м — в сборник рассказов «Десять домиков», вышедший в Израиле. Рассказы и эссе о Чернобыле переводились на немецкий и украинский языки.

Он шёл гордо, не оборачиваясь, всей кожей, всем нутром своим слушая музыку подков! У него была лошадь!

2

Большинство людей, одержимых какой-либо идеей, мало или почти совсем не думают о том, что будет, когда эта идея осуществится. Ложкин, к сожалению, принадлежал именно к этому большинству. Невероятно усталый и невероятно счастливый подошёл он к своему девятиэтажному дому, прошёл под аркой во двор, остановился у своего крыльца и вдруг в полной растерянности замер: что делать дальше он не представлял. Как был, «при полном параде», он сел на грязную лавочку возле подъезда и стал пытаться превратить эйфорический туман в голове в простые и связные мысли. Острота ситуации была такова, что ему удалось это сделать довольно быстро. Когда туман окончательно разошёлся, а мысли окончательно выкристаллизовались, оказалось, что основных мыслей три. Первая: чем кормить; вторая: где чистить; третья: где держать. Незамутнённая конкретность ситуации вначале произвела в его мозгу новый поворот и образовала новый туман, который, впрочем, довольно быстро рассеялся под бурным натиском весьма неконкретной мысли: действовать!

Для начала Ложкин мотнулся в булочную и купил буханку ржаного хлеба. Улыбаясь и глядя лошадь, он скормил ей хлеб и от этого сам успокоился. И такой успокоенный и даже собранный, привязал Ложкин кобылу к крыльцу и пошёл к себе наверх, переодеваться.

3

Уже в сумерках лошадь и человек перешли узкий мостик через Течу и оказались на огромном зацветающем лугу. Где-то далеко позади загорался вечерними огнями город. Где-то далеко позади остался этот безбрежный, бездонный день. Ложкин отпустил лошадь, и она медленно ушла в темноту – пастись. Палатку и нехитрый походный скарб Ложкин оставил на лугу, а сам спустился к реке, сел на берегу и ненадолго задремал, укатанный невероятным днём. Ночь обещала быть тихой и тёплой. А впереди было яркое быстрое лето, волшебная тихая осень и свирепая долгая зима. Долгая лишь для того, кто сможет её пережить.

Ирина Садовина

В ПЕЧОРАХ

рассказ

Одиноким паломникам в Печорах трудно. По территории монастыря бродят обособленные кучки счастливых, приехавших с экскурсией. Их гиды, обогащённые многолетним опытом паломнического туризма, умело расталкивают мягких, дезориентированно глазающих по сторонам одиночек и целенаправленно летят к монахам и женскому персоналу, как стрелы в мишень. Гиды решают вопросы расторопно и вовремя. Они заботятся о своих подопечных, проводят их внутрь храма, закрытого для посетителей, достают им юбки, если подопечные в штанах, проникают, наконец, в легендарные Печорские пещеры. Гиды обласканы начальством. Тем, кто следует за ними, открыты все двери.

Но перед одиноким паломником все двери захлопываются. В храм его не пускают, в пещеры тем более. Что делать? Он приехал из Прибалтики, Поволжья, Сибири. У него нет нескольких дней до следующей экскурсии, и нет у него защитников. Обескураженный и потерянный, он встает в очередь, но его оттуда гонят.

— Чего вы здесь стоите? — прикрикивают на него. — Благословения нет здесь стоять! Проходите мимо, там вон к мощам приложитесь. Тут не задерживайтесь. В пещеры только с группами. Только по предварительной записи.

Толкается паломник, несомый людской волной по узкому кори-

Ирина Садовина — родилась в Йошкар-Оле, жила в разных странах, сейчас преподаёт в Шеффилде. Пишет на русском и английском. Стихи, рассказы и переводы публиковались в литературных журналах, а статьи по культурологии — в научных. В 2024 году была участницей британской писательской программы Prototype/New Writing North. Английский перевод повести Анны Неркаги «Белый ягель», который выйдет в 2026 году, отмечен призом Австралиазийской ассоциации писательских программ и отобран в программу менторства Национального центра письменности Великобритании.

дору, прикладывается к мощам, едва успевши прочитать объяснительную табличку — а волна уж выбрасывает его обратно во двор. Во дворе его тоже гонят: это гиды оберегают свои группы от проныр, норовящих затесаться в чужие ряды. Гиды закрывают перед паломниками двери, загораживают от них священников, которые могли бы разрешить прибудшим к группе людям пройти в пещеры вместе с их группой. Паломники настаивают, заискивают перед гидами, стыдят их.

— Что же это! В храм не пускают! И это мы-то православные? — волнуются они. Гиды же остаются непреклонны.

Оказавшись в этом незавидном положении, моя мама заняла стратегическую позицию у дверей к пещерам. Опыт проникновения к святыням у мамы был обширен. Путешествия в одиночку пошли маме на пользу. Она гордилась своей пронырливостью: не всякий гид мог бы с ней сравниться. Мы совсем недолго стояли у дверей, когда мама заметила монаха, стоящего в углу храма. К нему мы и бросились, увлекая за собой шлейф из нескольких потерянных душ.

Монах был высокий, светловолосый, с широким лицом и маленькими глазами. Пояс с массивной крестообразной пряжкой поддерживал небольшой живот. Мама без предисловий начала:

— Скажите, а вы не возьмёте нас в пещеры?

— Нет, — ответил монах. — Туда только экскурсии по записи.

— А на сегодня можно ещё записаться, вот нам двоим?

— На сегодня уже, наверное, нельзя.

— А как записываться? — робко спросил худощавый мужчина, стоявший рядом.

— По факсу, — неожиданно отрубил монах и начал диктовать номер.

Паломники опешили и замолкли. Неунывающая, неостановимая мама оглядывала площадь в поисках монаха подбрее. Я повернулась к другим паломникам и сказала:

— Может, нам стоит сколотить свою собственную группу? Назначим экскурсовода...

Светловолосый монах расхохотался. Я загордилась, что рассмешила его, столь сурового и самоуверенного. Или он смеялся удовлетворённо, зная, что наши попытки напрасны? В любом случае, он недооценил мою маму.

Завидев очередную экскурсионную группу, мама ринулась пря-

миком к гиду.

— А не возьмёте нас с дочерью, у меня вот дочь приехала...

— У нас есть группа, — громко ответила та. — У них свой священник. Это он всё решает. — Ответив, она повернулась к кому-то ещё: — Отец Владислав сейчас подойдёт; он облачается.

Мы отошли.

— Вот, — шепнула мне мама. — Отец Владислав, запомни. У него спросим. Он нас возьмёт.

Мы встали рядом с экскурсионной толпой и стали ждать с ними отца Владислава. Он долго не шёл.

— Расхлябанный, — сказала мама, — значит, добрый.

Через пять минут на площади показалась богатырская фигура священника. Он шёл размеренно, часто останавливаясь, оглядывая здания и деревья. Он щурился на солнце и то и дело нацеливал свой смартфон на расписанные стены и купола.

— Он, — отметила мама. — Отец Владислав.

Отец Владислав шёл долго.

— Ну дойдёт он или нет? — шептала мама. — Всё ведь ему нужно сфотографировать. Тоже вот впечатлился.

Не вытерпев, она бросилась ему навстречу.

— Отец Владислав!

— Да, моя хорошая, — повернулся он к ней, спокойный и добродушный, как мама и предрекала.

— Возьмите нас с дочерью с собой в пещеры! Мы через всю Россию ехали!

— А откуда ж вы?

— С Йошкар-Олы!

— Ну давайте с нами, — с улыбкой сказал он и подошёл к своей группе.

Мама деловито пристроилась к толпе и протянула мне припасённую свечку. Группа уже обступила нашего знакомого светловолосого монаха, который рассказывал историю монастыря гладким дикторским монологом. Мы наклонялись ближе, но с краю слышали плохо.

— ...гроб тогда не закопали, а просто положили. И его причислили к лику святых.

Говорил он, конечно, про пещеры. Температура в них чуть выше нуля, а в нишах лежат гробы трёхсотлетней давности, впечатляя

нетленностью. Именно поэтому все так и рвутся в монастырские пещеры. И мы рвались.

— В пещерах, — продолжал монах, — не теряться. Я всегда говорю тихо, поэтому тем, кто сзади, будет не слышно. Тем более, когда за нами увязывается ещё половина площади.

Тут он значительно посмотрел в нашу сторону, но мы встретили его взгляд бесстрашно. В конце концов отец Владислав был на нашей стороне.

Через пещеры мы шли гуськом. Песок под ногами смягчал шаги. Мы прикрывали наши тоненькие свечки ладонями, но некоторые из них всё же тухли. Тогда человек, оставшийся без света, наклонился к соседу, доверительно брал его за запястье и зажигал свою потухшую свечу от соседского огня. По обе стороны узкого коридора из тьмы проступали резные плиты с надписями, сообщавшими имена монахов, похороненных за стенами. Я вспоминала другие пещеры своей жизни: влажные и скользкие лазы, в которые я протискивалась с друзьями-спелеологами, гладкие бледные своды, исцарапанные друидами. Но в Печорских пещерах я была ни экстремалом, ни туристом: протиснувшись вслед за мамой через лазейку в непроницаемой, казалось бы, системе, я проникла сюда пронырой.

Ни нам, ни монаху-проводнику забыть об этом не удалось. Сначала мы держались скромно, в хвосте, не показываясь никому на глаза, но на обратном пути вся группа замешкалась и немислимым образом потерялась где-то в глубине пещер. Мы с мамой были единственными, кто сразу отозвался на зов монаха-проводника. Увидев, что кроме нас вокруг никого нет, мы робко к нему подошли. Постояли молча.

— Хотя бы, — сказала я, наклонившись к маме, — нас нельзя упрекнуть в несобранности.

— Да! — поддержала она. — Мы очень организованные. Правильно сделали, что взяли нас.

Монах вздыхал. Пока подтягивались потерянные экскурсанты, мимо нас пролетела группа молодых мальчиков, ведомых другим монахом. Их бледные лица в дрожащем свете свечей выглядели испуганными и героическими. Они полетели дальше, вглубь коридоров, к нетленным святым, а мы — через двери на свет.

У входа нас поймала экскурсовод и приняла за своих.

— Группа, собираемся здесь!

Мы задержались рядом, поджидая отца Владислава. Когда тот неспешно вышел во двор, мама подскочила к нему с благодарностями.

— Благословите, — попросила она, протягивая ладони. — С гостиницей у нас чтобы всё нормально.

— У меня тут друзья, — неожиданно предложил он. — Можно и туда, если что. У них дом большой.

— Спасибо, — замешкалась мама. — Да нас уж ждут. Неудобно.

— Приезжайте в Петербург, — сказал отец Владислав, кладя руку на голову маме, а потом мне.

Попрощавшись с ним, мы с мамой побежали по ступенькам вниз.

— Ах, какой хороший! — восклицала я.

— Такой добрый! — вторила мама.

— Хотя знаешь, мне и другой монах тоже понравился, — сказала я, подумав. — Деловой такой. «Регистрация по факсу!»

Мы бежали радостно, с лёгким сердцем, в бессловесном единении двух людей, переживших приключение.

Алем Айтбай

РУ 66

рассказ

— Ass-Elle, — прочитал офицер контроля и поднял на меня взгляд.

— Я родилась в Казахстане, — пробормотала я, краснея.

— Как здорovie? — сказал он, буравя меня ледяным взглядом.

Я уже знала все эти хэнки-пэнки, весь этот сценарий встряхивания человека в надежде, что у него в кармане забренчат страшные террористические планы. Казахстан числится в красных списках радикальных государств. Или в чёрных списках? Так или иначе, Казахстан числится в каких-то плохих списках, не на самом их верху, но явно где-то в топе-20. Волшебная частица «-стан» всегда насто-раживает таможенников, растормашивает сторожей, подштармливает им подштанники. При каждом перелёте меня раньше таскали на проверки «случайного выбора». Случайный выбор, my ass. My ass elle.

Устало глядя на таможенника, я вдруг поняла, что рассчитывала на канадский паспорт: иссиня-чёрная книжка прикроет мою казахскость как плащ-невидимка, как золотой щит, как руно Одиссея многострадально-хитромудрого. Тоже был номад, посаженный на путешествия.

— What is the purpose of your visit?

— I'm taking a poetry class.

Алем Айтбай (также пишет под псевдонимом Зои Глитч) родилась и выросла в Алматы. Получила образование в КазНУ и Бизнес-университете Праги. В настоящее время живёт в Онтарио, Канада. Алем пишет с 2018 года, специализируясь на короткой форме в жанрах магического реализма, фантастики и фэнтези. Она многократно становилась финалисткой конкурсов «Пролёт Фантазии» и «Открытая фантастика», а также входила в шорт-листы других онлайн-конкурсов. Публиковалась в антологии «О чём поёт океан» и журнале «Дактиль». Помимо писательской деятельности, Алем работает дизайнеркой цифровых приложений и профессионально занимается живописью.

- A what?
- Poetry.
- You don't have poetry in Canada?
- I'm here for some desert poetry.

Офицер хохотнул, нисколько не покупая моё чувство юмора. Может, с ним заигрывают все террористы, исполняют стендап, стриптиз и чечётку. Может, я только что подписала своё задержание.

Я оглянулась на Машку, застрявшую в пёстрой очереди не американских граждан и не канадцев. За неё я не беспокоилась, главное, чтобы она не рассказывала таможеннику о своём аппойнтменте у шамана, и никаких случайных проверок у неё не будет. Машка русская: в Америке белая. Если меня посадят, ей меня вызволять. На этой мысли я осознала, что Машка достанет меня даже из подземелий Гуантанамо, и тут же успокоилась. Меня всосало обратно в тело: от тревоги я успела улетучиться куда-то вверх и влево. Набрал полную грудь воздуха, я выдохнула, заглушая «ка-чак» пластикового штемпеля офицера.

Я — кочевница. Все дороги открыты для меня. В моём сердце нет страха. Великое небо меня защитит.

Небо в Финиксе было огромным и синим.

В бюджетном рентале машин было много соблазнительного: симпатичные внедорожники, толстопопые пикапы на платформах, и даже один сайбертрак, похожий на машину для Барби, которую я склеила в детстве из обувной коробки.

И тут я увидела ЕГО. Чёрный металлический остов, блестящий на солнце, острые гигеровские формы, открытая ветру пустая кабина. Я схватила Машку за плечо.

— Мне тридцать пять, — с нажимом сказала я. — Если я не попробую джип сейчас, то когда?

Машка с сомнением смотрела на меня, не впечатлённая ни моим возрастом, ни хищными очертаниями Вранглера.

— Будет дуть, — только и сказала она, и оказалась права.

Финикс резко закончился пустыней. Дорога по ней лежала до горизонта, как в старой игре консоли Sega, в которой можно было ездить на жёлтом мотоцикле Кавасаки и пинать соперников ногой, только мы ехали не по Route 66, а по хайвею №17, и на горизон-

те были холмы, а не фиолетовая плоскоголовая гора-утюг. На сухой террариумной земле теснились низенькие шарики кустов. Мне было грустновато, что не видно кактусов – тогда я ещё не знала, что буду постоянно оглядываться, не маячит ли где-то кактус.

Мы медленно проехали Сидону насквозь, выхватывая взглядом интересные местечки — книжные магазины, лавки с глазом-Ом на логотипе и пабы, куда обязательно нужно будет сходить. За городком без церемоний опять началась пустыня. Но всего через полчаса ландшафт стал зеленее, и мы с Машкой заорали одновременно, вцепившись в друг друга: навстречу нёсся лес из сосен. Настоящих сосен, высоких и стройных, несколько сюрреалистических в этой пустыне. Канадских. «Как дома!»

Между соснами мелькнул запоздалый кактус, возвращая нас в США.

В бору прятался наш коттедж с романтическим названием из книг Фенимора Купера: Апаче Мейдз Лодж. Девичья Изба Апачи.

Позавтракав утром в сидонском хипстерском кафе (Машка: авокадо-тост, я: пашот на хлебе), мы направились на семинар. Администраторка за приёмной стойкой записала меня и бросила внимательный взгляд на Машку. Я затаила дыхание.

— Вы тоже на семинар? — спросила администраторка.

— Я просто её подруга, — весело ответила Машка, готовая оставить меня в здании и уплыть. Как родитель в детском саду, подумалось мне.

— А заходите, — внезапно предложила администраторка. — Будете плюс-один. Как на свадьбе.

На какой ещё свадьбе? Свадьбе поэзии и прозы? Союза миров лирического и материального? Совокупности рифмы и немоты настоящего? Математика не складывалась, но спорить я не стала. Машкина магия сработала.

Гостя семинара, проросшая в кругах большой литературы писательница, была похожа на Любительницу абсента Пикассо, если бы та была красивой блондинкой. Только Любительница отвлечена в своей абсентной сенильности, а писательница была интенсивная, с более вовлечённым присутствием, что ли. Я сделала пометку когда-нибудь написать об этом стихи. В голове маячило только одно

слово — проявленность. Когда-то давно (в прошлом году) я думала, что оно означает густоту, яркость присутствия человека в мире. Как будто мы все плёнка, но кому-то достался слабый раствор химикатов, а кто-то проступает полностью, целиком. Я была удивлена, узнав, что на русском маркетингологи и агенты издательств называют проявленностью семантическую тяжесть бренда, узнаваемость. Проще говоря, количество и охват папищеков.

Это чёрт знает что. Публикуют не людей, а бренды. Твой бренд — это тень на стене пещеры, голографическая пайцца с молитвой к Тенгри. Такое отдаление на одну степень абстракции мне совсем не нравится, оно меня выхолащивает. Я не умела быть брендом.

Писательница прищамкивала и звучно облизывала губы — наверное, у неё уже началась та возрастная дислокация челюстей, когда части рта немного разъезжаются, утрачивая свою шарнирную сцепку. Этот аккомпанемент то завладевал моим вниманием, то отпускал его, как дыхание, отвлекая от рассуждений о том, откуда берутся стихи. Двойственная плёнка её биологической машины, распадающейся в реальном времени, и её слов о диалогическом Я писателя, завораживала.

За её спиной висела громадная картина в красных тонах. На фоне арizonского пейзажа стоял человек, показанный слишком крупным планом, но в тени. Он подавлял писательницу своим размером, нависая над её плечом.

Нам уже нужно было делать упражнение, заданное ведущей, а я всё никак не могла оторвать взгляд от картины, висящей на стене. Силуэт персонажа напоминал кактус, но в то же время сохранял человеческие очертания — это был явно человек в форме кактуса, а не кактус в форме человека, если вы понимаете, о чём я. Машка впилась в розданный организаторами блокнотик и бешено писала шариковой ручкой из переработанного серого пластика и пробкового корпуса. Я рассеянно напомнила себе, что надо подарить ей ручки получше, и опять вернулась к человеку с картины.

Его затемнённое лицо не выдавало отдельные черты, я никак не могла разглядеть выражение. Мне казалось, что оно должно быть насупленным, укоризненным.

Моя неделя: вернуться в поток поэзии, не дискретно, а на длительное время. В идеале — навсегда. Припать его так окончательно,

чтобы он уже никогда не отрывался от моей ведущей линии жизни с работой 9-5 и налогами.

Неделя Машкина: поездка к шаману за просветлением и поход по Биосфере, зимнему саду арizonского биофака.

За три дня сочетание семинара с птичьим пением в пустынно-сосновом лесу столкнуло мой поэтический ледник с мёртвой точки. Тектонический сдвиг от паралича к возвращению привычки проходил давно знакомым образом. Вечер первый: метания, ненависть к литературе, катастрофизация себя в искусстве. Вечер второй: идёт обильная жёлтая пена с кусками полупереваренных слов. Вечер третий: стихи. От недели оставались ещё два дня, в которые я рассчитывала как следует поработать. Выходные были от слова выдохнуться, их нужно было приберечь для чувства опустошённости, которая наступает после сложной работы по выздоровлению. Мы провели их в готовке, ленивых прогулках вокруг избы и разговорах, по большей части ни о чём.

В полдень вторника мы припарковались у небольшой городскойвиллы. Дворецкий в костюме проверил наш QR-код в приглашении.

В пентхаусе нам открыл дверь ещё один дворецкий-ассистент и тоже проверил наш аппойнтмент. Он был одет в чёрную водолазку и чёрные же джинсы, и стоило ему отвернуться, как меня пропитала уверенность небывалой силы: он и есть кактусовый человек с картины. Лихорадочно поискав взглядом его силуэт, я увидела, что ассистент уже исчез в одной из комнат. «Не трипуй раньше времени,» — велела себе я.

Нас вели по узкому коридору, выкрашенному в красный цвет, который закончился простором: мы вышли в большой лофтовый зал с колоннами, уходящими ввысь.

Шаман походил на Чувака из Лебовски, он и одет был по-шамански: в жёлтое кимоно с павлинами и развевающиеся брюки палаццо в мелкое плиссе.

Едва узнав, откуда мы, шаман завёл шарманку про Бората. «Май вайф!» Я сидела с лицом каменного балбала, и старалась не смотреть на Машку, зная, что она кривится. Наконец шаман сошёл с рельс импровизации, пришёл в себя, посмотрел на нас, ощутил, что имитацию мы не оценили, и сильно поскуучнел. Быстрой скороговоркой продажного питча он описал последовательность своего продукта:

предоплата — аяуаска — очистительный детокс (понос со рвотой) — микропросветление.

У меня с аяуаской были ассоциации не информативные, а биографического характера — на мне когда-то давно хотел жениться один человек, чьей жизненной целью было примерно то же, чем мы занялись сейчас — ездить по Южной Америке в поисках Я и просветления. Он не знал, что Я находят на поэтических семинарах. Тогда у меня понятия не было, как я впишусь в эти планы — всё, что мне пришло в голову, это сидение в мультипликационном окошке в комическом платке с крупными белыми горошинами в ожидании человека, поэтому от предложения я отказалась и только лет через десять помягчела к упоминаниям аяуаски. Мы с человеком находились на очень разных уровнях духовности, да и других жизненных линий тоже, и разошлись после краткого пересечения, как поезда на разъезде.

Шаман продолжал расписывать действие аяуаски. Я знала, что Машка уже потихоньку закипает. Думаю, она рассчитывала на проводничество другого типа, — индивидуальный подход, просветление домашнее и крафтовое, как дышащий пирожок из печи, проведение по узкому коридору в поисках себя. Но у шамана всё ехало по бизнес-рельсам. Его индустриально упакованные микропросветления, способные ненадолго вдохновить сухих лос-анджелесских джанки и домохозяйек, Машке были как слону дробина, она микропросветлялась и сама, еженедельно, на микропрогулках в микролесе, лапаньем мха и разглядыванием микрослизи и микрогрибов.

— Не будешь рассказывать ему, чего хочешь? — спросила я.

— Нет. Поехали.

Из пентхаусной пещеры шамана в избёнку Апачи мы ехали молча. В лагере красная Машка громогласно протопала в коттедж и швырнула на диван свёрнутый свитер. Я уставилась на неё — впервые за семь лет я видела её злой.

— Блин, — сказала я кисло. — Зачем я потащила нас в эту Аризону.

— Да при чём тут ты?! — крикнула Машка.

Я смотрела на неё, не отрываясь. Красные круги на её щеках ста-

ли пунцовыми.

— Я и сама сюда хотела, — успокаиваясь, сказала она.

Я вышла на накрытое крыльцо. Вдали маячил тот самый кактус, который мы увидели при въезде на территорию лоджа, только находился он не совсем в стороне въездных ворот. Я вдруг вспомнила, что мы специально выбрали лодж подальше от хайвея, для изоляции — вокруг на мили не было ни души. Проверять, что это был за силуэт: вывеска, растение, или кто-то человекоподобный, но кактусовидный, не хотелось.

Я завопила про себя, узнав, что до Биосфер Аризоны ехать четыре часа в одну сторону. Но после фиаско у шамана баланс хороших событий нужно было выравнять, и утром мы уже заправляли бак на максимум и завтракали в Финиксе на полпути до Биосфер.

Показавшиеся издали фуллереновые сооружения выглядели максимально чужеродно для пустыни. От их очертаний меня охватил странный восторг, который немедленно перешёл в тревогу, когда я увидела у въезда в комплекс силуэт кактуса.

— О, Пейотль! — воскликнула Машка.

— Пейотль?! — повернулась к ней я. — Наш Пейотль? С ворот в лодже?

— Не только, я его видела несколько раз в Сидоне.

У меня отвалилась челюсть.

— Тебе это не показалось странным?! Что нас преследует кактусовый человек? Я тоже его видела!

— Это просто кактус, — сказала Машка. — Мы в Аризоне.

С этим невозможно было спорить. Нам нетерпеливо бибикнули сзади, и я сдалась и двинулась с места. Пейотля уже не было видно.

Гид водил нас по влажным и едким биомам биосфер, читая их запутанную историю. Я всё время оглядывалась за плечо, чтобы краем глаза увидеть в толпе других посетителей чёрный силуэт.

Комплекс Биосфер построила в девяностых странная пара — наследник нефтяной империи и эколог-экспериментальный актёр. Основатели на два года заселили в купол команду учёных, которым велели поддерживать равновесие сразу нескольких земных биосистем — океана, пустыни, целины. Сначала цель была в том, чтобы тренироваться на терраформировании для будущей колонизации

Марса, но потом запертая группка превратилась во что-то вроде прото-реалити-шоу — проект нужно было финансировать.

Гид сказал, что больше всего участники пострадали не от сложного экологического баланса Биосферы, а от человеческих отношений, обострённых кабинной лихорадкой и голодом (пшеница в куполе росла отвратительно из-за необработанного бетона фундамента).

Призраки грустных учёных мелькали вместе с чёрной тенью Пейотля под куполом в сотовую сеточку. Их задача поддерживать на весу целый крохотный мир показалась мне и невообразимо сложной, и очень одинокой.

К концу речи гид сообщил, что в середине девяностых проект выкупил и утопил Стив Баннер. В толпе засвистели и захлопали. Я знала это имя, Стив — разрушитель бизнесов позже стал известным как советник консервативного президента и перешёл на другие масштабы разрушения — в размере целой страны.

«Под бурлящими жизнью наземными биомами, — читала Машка буклет хорошо поставленным голосом, — ...пролегают катакомбы туннелей, где пестрят указатели («К Пленуму Океана», «К Подвальной Пустыне») и теснятся сети труб («Отвод дождевой воды»), а гул сложной машинерии напоминает о хаосе повседневной жизни в микрокосме».

Я с отвращением представила, как мы крадёмся по лабиринтам туннелей, а за нами в отдалении бредёт тень кактусового человека.

«И уже в новом тысячелетии Аризонский Университет дал куполам новую жизнь, открыв для своих исследовательских целей и публики», — гордо закончил гид.

— А сейчас комплекс захватили муравьи, — вполголоса сказала Машка.

Муравьи действительно сновали везде, в точности как мы, туристы.

Пора было ехать домой.

— Стой, стой, стой, — закричала я так, как будто не я вела машину. Далеко в пустыне сверкало серебряное яйцо.

— Хочу посмотреть, что это, — я затормозила на обочине и повернулась к Машке, которую не нужно было убеждать.

На столбе электролиний объездной дороги висела выцветшая картонка с подтёкшими красками. «Ваша районная медицинская женщина. Потная хижина. Ритуалы.»

Мы подъехали к футуристическому металлическому трейлеру. Сияющий, он стоял в окружении какого-то бёрнингмэноподобного художественного треша и установок солнечных панелей.

Из трейлера выглянула древняя женщина в кожаных джинсах и майке «Дефтоунс». Всё это напоминало Кин-Дза-Дзу.

— Вы откуда, детишки? Из резервации? — она подчёркнуто смотрела на меня.

— Из Канады. Из Казахстана, — хором сказали мы.

— Ага, — сказала шаманка с сомнением, всё ещё глядя на меня.

Мы сели на модный жёлтый диван, как будто надутый из пузырей. В трейлере работали сразу несколько вентиляторов, гоняя чуть охлаждённый воздух. «Солярпанк» подумала я, вспомнив все офф-грид панели вокруг трейлера.

Машке шаманка сразу сунула грибы. Я думала, Машка откажется, но она только понюхала сухие волоконца в пакетике и сразу принялась жевать. Я сидела, зажав руки между коленей, смутно встревоженная. Было неясно, чего ожидать — что за грибы, как долго продлится Машкин трип.

— А как насчёт тебя? Хочешь пообщаться с духами предков? — спросила шаманка у меня.

— Я тут просто за компанию.

— Точно? — она села напротив диванчика. — Вообще ничего не беспокоит?

Я бросила взгляд в окно трейлера, в котором маячил кактусовый человек. Шаманка неотрывно смотрела на меня. Внезапно мне подумалось, что она тоже его видит.

— Да нет, — сказала я.

— Как скажешь, — пожала она плечами.

— Асека, я превращаюсь в ризомную голограмму, — подала голос Машка. — С неоновой подсветкой.

Шаманка что-то ей ответила, и я вышла из трейлера. Солнце жгло через плотную рубашку, щипля мои плечи. Я надвинула бейсболку и села на крыльцо. Сзади открылась дверь.

– Я тоже чувствую себя голограммой. А хочу присутствовать. Проявиться, – пожаловалась я.

Женщина-шаман вздохнула и села рядом со мной, скрипнув штанами. От кожи пахло просоленной разогретой коровой.

– Хочу быть настоящей кочевницей, которая ничего не боится.

Женщина-шаман опять вздохнула, теперь уже раздражённо. Ну и зачем тогда спрашивала? Даже у ящерицы, жмурающейся на камне, было больше эмпатии ко мне.

– Мой эмоциональный аппарат слишком мал, чтобы выйти из блока. Обработать этот ас. Я про бешпармак, – тут же поправилась я, абсолютно бесславно и ненужно.

– Ну не переваривай, – сказала она. – Жесен же, жемесен жеме.

– Что?

– What?

Я загрузила Машку в машину, пока она рассказывала что-то про сеть грибницы, покрывающую Североамериканский континентальный щит, и пристегнула её.

Открытая кабина казалась сейчас предельно тупым выбором – грибная Машка легко могла из неё вылететь. Запереть машину, остановившись на заправке, я тоже могла лишь условно, и покупала бутылки воды и вяленое мясо-джерки, держа Машку в поле зрения через стекло магазина.

На подъезде к Сидоне дорогу перегородили щиты со стрелками из лампочек, предлагая съехать в объезд сначала по дороге поменьше, а потом и вовсе по гравийке. Я опять сдалась: сегодня явно был такой день. Смирение продлилось ровно до того момента, когда я услышала громкий хлопок, и машину закружило по часовой стрелке. Изо всех сил выворачивая руль в сторону движения и дав газ, я краем глаза увидела в машине чёрный силуэт.

Джип накренился в сторону Машки, и я завизжала, забыв про Кактусового человека.

С грохотом машина подскочила, встала и выровнялась. Наступившая тишина оглушила, заткнула мне рот. Трясущимися руками я

выключила зажигание. Ощущение непоправимости и ужаса быстро спадало – кажется, мы были живы. Кактусовый человек сидел посередине заднего сиденья. Боясь отвести от него взгляд, я протянула руку и нащупала Машку. Она была на месте, её сердце билось ровно.

– Это ты стрелял? – дрожащим голосом спросила я.

– Пробило колесо, – сказал он.

Вместо фронтальной поверхности у него была как будто дыра, настолько чёрным он был. Не в расовом понимании, а в цветном – будто человека выкрасили в поглощающую фотоны краску ванта-блэк. От него не отражались световые лучи.

Я размышляла, можно ли ему верить. Размышляла не умом, а каким-то децентрализованным слоем, мицелием себя. Меня поглотило странное спокойствие, не того узкого типа, когда замираешь перед лицом серьёзной опасности, спокойствия, которое отрезает лишний шум, но и парализует одновременно, спокойствия, которое за годы детства и юности стало для меня экзоскелетом, из которого я жила, думала, действовала. Это спокойствие было другого вида – хорошего, разлитого, как море, глубинно узнаваемого, как пустынный пейзаж.

Кактусовый человек не был мне врагом.

– Кто вы? – спросила я по-казахски. – Мой аруак?

– Кто такие кочевники? – ответил он по-английски. Этот вопрос разом дисквалифицировал его из духов моих предков. – Кстати, в багажнике есть запаска.

Запаски в багажнике я не помнила, он был пустым. Но при загрузке наших чемоданов в джип я заметила на дне багажника какой-то люк. Возможно, там было двойное дно.

– Люди, которые переезжают с места на место, – ответила я, вылезая из машины.

На дне действительно лежала шина, а в борту багажника оказалось ещё одно отделение, на котором кто-то маркером нарисовал отвёртку. Там я нашла инструменты и небольшой ножной домкрат.

– Путешественники? Как ты?

Болты колеса были тугими, и я не могла сейчас вдаваться в тонкости разницы между туристом, кочевником, путешественником и иммигрантом, труднодоступные западному человеку, даже если он призрак. Мне нужно было сосредоточиться.

Рубашка сначала промокла от пота, а потом заледенела под ве-

черным бризом. Поставив колесо, я закинула пробитую шину в багажник. Пустыня остывала под потемневшим небом. Я заглянула в кабину в поисках Кактусового человека. Его нигде не было.

— Да, как я, — сказала я вслух и села за руль.

Осторожно заведя машину, я прислушалась. Вместо того, чтобы двинуться с места, джип задёргался, рыча, и я впедалила тормоз, абсолютно уверенная, что всё сделала неправильно. Через сомнения пробилось робкое воспоминание: я же поставила ручник.

Зажав тормоз, я спустила рычаг, поправила Машкин ремень, и мы поехали.

Толкын Ажимуратова

МОЙ ДРУГ СТУЛ

рассказы

ПОЙ, ПОЛИНА

Всё, отбой, отбой. На сегодня хватит! С этими словами Макен-тате откинулась в кресле, открывая набитый сообщениями ватсап. Макен-тате работала в этой больнице вот уже тридцать два года. Втиснутая в кустодиевские стандарты красоты, пышнотелая, так и пышущая формами дама, с безукоризненно гладко зачесанным хвостиком на затылке. Кого же она до боли напоминала? А точно, сердобольную тётю Розу, соседку Умаровых из сериала «Перекрёсток».

Сколько деток выходила, всех помнила, до единого. И даже Саю, с которой ох как намучались, но спасли. И тихоню Руслана, которого называли Балык, потому что вообще не плакал. И Миладу. Из-за лилейной кожи поначалу её называли Подснежник.

В комнату отдыха вбежал запыхавшийся медбрат.

— Готовим операционную! Доктор уже подъезжает.

— Срок какой?

Макен-тате, кряхтя, как бы сползая с кресла, привычно шаркая по полу, нащупала ногой обувь.

— Двадцать пять недель, УСП.

— Ого, давненько таких не было.

УСП означало «угрожающее состояние плода», причём четвёртая степень недоношенности. Вот с ними и самое сложное. В большинстве они не выживают. И врачам остаётся только, выходя к родителям, констатировать факты. Раньше, лет тридцать назад, таких

Толкын Ажимуратова — писатель, филолог, преподаватель русского языка и литературы в школе. Самой большой страстью в своей жизни считает писательство. В настоящее время пишет книгу — негромкие житейские истории, взятые из жизни обычных людей. Рассказы опубликованы в Сборнике №4 USW, в литературном журнале «Айна».

деток называли... биоматериалом. Если в течение семи дней они выживали, то подключали к оборудованию. Нет — значит всё.

Сейчас другой термин: живорождённые. Куча хронических заболеваний, экстрагенитальные в том числе. А это значит, есть и ревматизм, и анемия, и варикоз.

— Как только давление нормализуем, сразу стартуем.

Берик занимался последними приготовлениями: тщательно вымыл руки щёткой, достал перчатки, надел маску и кивнул ассистенту.

Когда-то профессию свою Берик выбрал сразу и безоговорочно. Ещё в детстве, живя в посёлке, он иногда ездил в скорой со своим дядей Болатом. Тот фельдшерил по району. Чего только там мальчуган не видел. Как-то поехали на вызов: мужчина вывихнул челюсть. Дорога была ужасной — ухабы да ухабы. Больной, согнувшись буквой зю, сидел, мычал. Говорить не мог из-за сведённой вправо челюсти. На одном из поворотов карета скорой помощи со всей скорости налетела на огромную колдобину, подскочила и со всем грохотом опустилась на место. Слышно было, как все инструменты в кабине, находившиеся сзади, мигом загремели.

И смех, и грех. Но именно в тот момент челюсть каким-то образом встала на место, и счастливчик принялся без умолку тарыхтеть в такт старой машине. О том, как у него заела эта злосчастная челюсть, им пришлось слушать аж до самого приезда.

Невольно вспомнив случай, Берик, улыбнувшись, дал последние распоряжения.

В жизни недоношенного ребёнка огромное значение имеет так называемый «золотой час». Это первый час жизни вне утробы матери. Сразу после рождения ему должны оказать правильную и своевременную помощь.

— Как можно не состоять на учёте, не обследоваться и не знать свои анализы!

Макен-тате всё больше сокрушалась, поглядывая на стонущую пациентку. Каково же было всеобщее нарастающее удивление, когда после УЗИ стало известно, что там не один ребёнок, а двойня! К сожалению, у одной из девочек уже внутриутробно перестало биться сердце. Надо было срочно спасать вторую жизнь. Операция прошла, но позже появился риск внутрижелудочковых кровоизлияний в мозг. Сосуды хрупкие, ломаются, отсюда новые и свежие гемато-

мы. А ещё судороги и проблемы со зрением. Вес экстремально низкий — всего шестьсот пятьдесят граммов. Длина тельца не больше тридцати двух сантиметров. Хрящики такие тоненькие и мягонькие, сквозь них просвечивают все капилляры. Новорожденная напоминала большую креветку, у которой всё внутри просвечивало. Да, ещё не скоро креветочка превратится в розовощёкую Полину.

Доктор сам дал ей это имя. Глянул на кроху — Полина, да и только. И никакое другое. Да и никто перечить не стал. Женское имя французского происхождения (Pauline). Полина — разговорная форма имени Аполлинария, что значит «солнечная». На латинском «Paulus» — «маленький», «мальш». Маленькое солнце, стало быть.

Положение так себе. Шансы выжить невелики. Но по ней было видно её огромное, в несколько тысяч раз превышающее её тельце, желание жить. Почти дикое стремление, карабкаться куда-то наверх, к свету, к солнцу. Такое бывает у слепых кутят: они пищат, но направляются в сторону света.

— У ребёночка даже не созрела ткань лёгких, — врач покачал головой.

Впереди отчаянная схватка за жизнь.

Неестественно прозрачная, отдающая краснотой кожа, словно листок сквозь октябрьское солнце, на котором видны все мельчайшие прожилки. Органы только начали своё развитие. А что и говорить, если дыхание было почти через раз. А когда Поля начинала судорожно икать, то все с неким смятением замирали. Казалось, вот-вот и замрёт едва заявившая о себе жизнь.

ИВЛ начал работу, лёгкие не открывались, появилась и нависла свинцовой тучей угроза пневмонии. Каждую минуту следили за её состоянием. И так каждый день. Питание ребёнка — отдельная история. Маленькое существо сплошь в каких-то проводах, через которые ест, дышит. Еда попадает парентерально — через вену, которая словно тончайшая нить, готовая оборваться в любую секунду. Жить она будет первое время в кювёзе, который полностью имитирует материнскую утробу. Там влажно, тихо и спокойно. Медсестры бесшумно, почти на автомате совершают все необходимые процедуры по уходу, смене распашонок и кормлению. Врач регулярно осматривает кроху, то добавляя что-то в назначение, то исключая после ожидаемо появляющихся тревожных симптомов. После всех процедур кювёз обрастает плотным одеялом-чехлом, который по-

могает ребёнку адаптироваться и защищает от яркого света. Потом люльку закрывают полностью и в помещении гасят свет. Сплошная тишина. Лишь звук реанимационной штуковины. Каждый вдох имеет огромное значение, ведь ткань лёгких ранима. Медсестра постоянно находится рядом. Всё, что происходит с младенцем, отображается на камере. Звуковое оповещение сразу же предупредит, если начнутся сбои со здоровьем маленького пациента. Все эти трубочки, системы. И кровати как не дома.

Рядом с этими детками закрепили тётю Макен.

Вот если бы мать вернулась за дочкой... Взяла бы кроху на руки, по методу «кенгуру», как это называют неонатологи. Положила бы себе на грудь. Этот контакт бы позволил малышке «почувать» мать, повисить волю к жизни ещё больше, она бы услышала биение сердца и быстрее успокоилась. А вместе с этим стала бы легче дышать. А потом бы у крошки появился аппетит, и она бы попросту быстрее набрала вес. У мамы улучшилась бы лактация. Ведь недоношенные, как правило, рождаются без иммунитета. И славный дуэт научился бы «знать» друг друга.

Возможно, после всех этих нежностей мать бы не оставила своё дитя. Возможно...

Самыми трудными были первые дни. Каждый час Берик и коллеги делали невозможное, чтобы Полино сердце не сбивалось с ритма и продолжало биться. Настройка аппаратов, ввод различных растворов и лекарств, грели её невероятно крошечное тельце с душой бабочки. Впереди ещё длинный путь.

Продолжались дни, так похожие друг на друга, которые тоже добавляли свои килограммы в будни, превращаясь в длинные недели. Девочка стала крепнуть. Волосы цвета сентябрьского донника. Носик, словно у нарисованной куклы, слегка вздёрнут. Крохотный подбородок подрагивает при малейшем движении. Как стебелёк, день за днём набираясь соков. Как земля, впитывая дождевые капли, как колос, набирающий силу солнца.

Вскоре кроха научилась самостоятельно дышать. Это на тридцать седьмой неделе ребёнок сам дышит и готов к появлению на свет, и регулярно делает дыхательные движения, при которых в лёгкие попадают околоплодные воды. А двадцать пятая неделя... тут всё сложнее. Каждый вдох-выдох, каждый прибавленный грамм — всё важно. Даже каждый раз ровное, без сбоев дыхание прибавля-

ло уверенности в том, что всё идёт по плану. В три месяца она уже весила почти два килограмма. Витальные функции наладились, она уже сама дышала! Сама! Время пошло быстрее. Она справилась, а это значило, что дальше будет уже намного легче.

Через несколько успешных недель стали искать для неё приёмную семью. Сколько семей хотели удочерить! Можно было осчастливить одну семью... Но по закону РК всех отказников ждал приговорённый Дом малюток.

При выписке провожали девочку всем отделением. Сердобольный персонал, вплоть до техничек, украдкой смахивал слёзы. Каждый из них норовил напоследок приласкать девочку, передавая ей тепло слов. Берик был взволнован ещё с вечера. Из такой битвы кроха вышла победителем, доказав даже взрослым, что бороться — это всегда увидеть результат.

Ночью он написал письмо. Аккуратно запечатав его, подошёл к окну. С неба неумолимо спускалась ночь. Августовская прохлада ворвалась в окно, заставив затрепетать мирные жалюзи. Она прочитает письмо, когда ей исполнится ровно восемнадцать. Вчера девочке исполнилось шесть лет. Родители в ней души не чают. Она любит петь...

«Моя девочка с вздёрнутым носиком и пшеничными волосами. Тебе уже восемнадцать. Возможно, я не знаю всего того, что у тебя было на пути за это время. Но я знаю другое — ты споёшь свою жизнь на разные лады. Но пусть в твоей песне будет больше радужных строк».

МОЙ ДРУГ СТУЛ

На работу я прихожу всегда на полчаса раньше. Детей привозят очень рано. Один из учеников всегда норовит остаться со мной рядом — хоть на перемене, хоть после занятий. Он, как ртуть, куда только не залезет, где только не побывает. Мы подолгу с ним болтаем. Батыр. Ему всего лишь семь. Но в этот день он был другим. Тридцатилетним, что ли.

И вообще, сегодня день детей какой-то. Иду домой, и везде мамы, порицающие своих чад, дёргающие за грязный рукав, отчи-

тывающие за дырку на футболке. Некоторые даже — матом. И кажется, даже машины сигналият — тоже жуют, корят, упрекают.

И как же мне хотелось подойти, обнять этих крох. Досыпать вниманием. Хотя бы щепоткой. Мне достаточно присесть на уровне глаз. А там и море души их видно. Это я сейчас стала понимать, а по молодости — тоже, как и те мамы.

– Все вы злые, никого не люблю. Ни папу, ни маму. Ни аташку, ни апашку. Только всё ругаются, уходят из дома. Потом снова возвращаются. И опять уходят. Надоело всё.

Потупив безмолвного цвета глаза, буркнув что-то ещё, он забился за спинку стула. Похоже, это его привычное место в доме. И лучший друг, которому можно доверить важное. Он его обогреет, огородит, и в случае чего — всегда ему поможет. А ещё, кажется, это самое главное: он не кричит. Он всегда молча слушает и соглашается с Батыром.

Я так хотела превратиться в табуретку. Вот просто ничего не чувствовать и быть деревом.

Или стать кальмаром, у которого есть целых три сердца. Сгорит одно — ничего, есть ещё в запасе. Его слова вдавились мне в душу. И казалось, что из семян этих слов ползут уродливые растения, которые будут расти, ползти, колоситься без всякого полива. Они будут живучими, и ничто их не убьёт.

«Ребёнок, которого не обнимала деревня, сожжёт её дотла, чтобы почувствовать тепло».

Мирон Карыбаев

СТАРАЯ СЛИВА

рассказ

Алан рос странным ребёнком. Замкнутый, неразговорчивый, он никогда не играл с другими детьми, а только целыми днями бродил по пустынным улицам частного сектора и собирал всякий железный мусор. Шурупы, пружины, гвозди, разбитые телевизоры и радио и совсем уже непонятного предназначения железки клал он в большой деревянный ящик, со временем забившийся доверху, так что приходилось складывать даже и возле него. Он ничего никогда не выбрасывал; он считал, что всё это когда-нибудь ему пригодится.

Когда он не собирал, то сидел в сарае возле ящика и сочинял всякое из своих сокровищ. Однажды в руки ему попала старая разбитая подкова – он, дитя города, тогда даже и не знал, что это такое; но, посмотрев сквозь неё на желтящий свет лампы, сразу понял, что с ней делать.

Он рассверлил в ней отверстия, сквозь пропустил верёвку и получил крюк-кошку, как в мультиках, которые передавали по утрам по широкому пузатому телевизору, и сразу решил опробовать изобретение на старой сливе во дворе.

Была весна, и старая слива вся была покрыта маленькими белыми цветами. Ветер гладил их, как пушистое облако, и мягкие лепестки опадали на битую кирпичную плитку.

Алан несколько раз покрутил подкову на верёвке и попробовал закинуть на ветку. Получилось с третьего раза. Он подергал и убедился, что держится крепко, и стал карабкаться. Он был уже почти на самой верхушке, когда верёвка вдруг развязалась, и битая кирпичная плитка на всю жизнь оставила ему шрам на шее.

Мирон Карыбаев — родился в городе Алматы, который после покинул и вернулся, и продолжает возвращаться раз за разом. Помимо литературы занимается преподаванием казахского языка. Ранее публиковался в журналах «Дактиль» и «Крещатик», выпустил сборник рассказов в серии «Библиотека Крещатика».

В один день, вернувшись домой после одной из первых его долгих поездок, когда он вдруг срывался с места и уезжал в неизвестном направлении, и никто не знал, где он, что делает, жив ли вообще, только появлялся он вдруг на пороге через несколько месяцев или лет, грязный, заросший щетиной, со странными огоньками в глазах. Возвращался будто совсем другой человек, но всё тот же мальчик, который не играл ни с кем во дворе, а ходил петлями улиц, собирая всякий мусор.

Он вернулся и, едва успев отдохнуть с пути, зашел в сарай и вынес большой деревянный ящик на мусорку. Он ничего не сказал. Никто ничего не спрашивал. Все только выдохнули с облегчением, и Дарина выдохнула с облегчением тоже.

Она не знала, что привычка её непутевого брата на самом деле никуда не делась, а только переменяла форму: вместо материального он теперь собирал нематериальное – слова, истории, языки, адреса, всякую, будто бы совсем ненужную, единицу знания он собирал в память, как раньше собирал в большой деревянный ящик и, как раньше, верил, что когда-нибудь это обязательно пригодится.

Дарина сидела на кухне над стынувшим чаем, и густел в окнах вечер, и муж не вернулся ещё с работы, и спал в маленькой, деревянными прутьями огороженной кровати ребёнок. Она сидела и слушала, как ходит по старому, скрипучему дому её невесть откуда вернувшийся брат; она сидела и думала, что она об этом думает.

Она встала и вышла. В тёмном зале (Алан с детства не любил света, особенно электрического) над шкафом с семейными реликвиями он стоял, как призрак, и держал в руках фотоальбом.

Он обернулся; из неплотно занавешенных окон падал лунный свет, и глаза Алана блестели в темноте.

– Это странное чувство... – голос его был усталым и печальным.

– Что?

– Когда смотришь на свои детские фотографии...

Он протянул Дарине альбом – на раскрытой странице общий семейный снимок: живые и мёртвые за одним столом.

– Смотришь – и думаешь... ты ведь знаешь, сколько этому мальчику ещё жить, что он переживёт, что увидит, какие радости у него впереди, какие испытания...

Ей жутко стало; она захлопнула альбом и передала обратно.

– Да... – Он стоял, глядя в темноту, и неясно было, что ему там

виделось, но взгляд был странный, страшный, взгляд человека, которого тянет к себе темнота, и ночь, и пустая дорога. – Я не знаю, как это описать... не грусть, не ностальгия, всего понемногу, и ничего из этого. Какой-то неназванный род печали...

Он стоял в лунном свете, и блестели длинные, спутанные волосы; сочилось сквозь них сияние, будто бы был он прозрачен. Дарина медленно протянула руку и коснулась его волос; отдернула вдруг.

– Я постелю тебе в зале, – прошептала она. – В твоей комнате...

Он кивнул понимающе. Он понимал, что его комната давно уже не его, да и дом этот давно не его дом, и каждое следующее возвращение становилось всё менее возвращением и всё более: гостеванием, визитом, непрошенным вторжением.

Послышались тихие, неловкие шаги; они обернулись. В дверях стояла маленькая, чуть кособокая фигурка. Блестели в темноте глаза.

– Ах, это же мой сын. Ты его не видел... – Дарина плавным шагом подошла, опустилась на корточки и погладила сына по голове. – Жалгас, мы назвали его Жалгас. Жалгас, а это твой дядя, Алан. Скажи: «Привет».

– Привет... – сказал тот и уставился опасливо, исподлобья на чужого, непонятого ему мужчину. Алан опустил тоже и пожал двумя ладонями маленькую ручку.

– Ну, будем знакомы.

Алан улыбался, но в глазах его Дарина видела всё ту же печаль, то невыразимое чувство, которое было в них, когда смотрел он на свои детские фотографии; и ничего не было сказано, но она догадывалась, что он чувствовал в этот момент.

– Ну, будет. Поздно уже, пойдем спать.

Она подняла сына на руки и пошла укладывать; и тогда, едва на мгновение, ей показалось, что в глазах его отразилась, как в зеркале, та же печаль, та же темнота, те же тени пустых дорог в ночи.

Он гостил у них несколько дней, этот странный, диковинный человек, ему, оказывается, приходившийся дядей, а он и не знал, что у него есть дядя; но что-то манило Жалгаса к его высокой, худой фигуре, от неё тянуло чем-то бесконечно далеким, иномирным, тоской по неизвестному. Он похожее испытывал, когда смотрел на звёзды,

или на вершины далёких гор, или на иллюстрации фантастических книг.

Дядя мало говорил и только ходил задумчиво по дому, или сидел во дворе под старой цветущей сливой, прямо на земле, подложив под себя длинные фалды старого потрёпанного плаща и обняв колени руками, и смотрел в весеннее небо сквозь кривые ветки.

К нему приходили какие-то люди, странные, как он сам; он подолгу, прислонившись к воротам, говорил с ними на непонятных языках, что-то горячо обсуждал, или рассказывал, или смеялся; но и смех его был пронизан бескрайней, из неясных глубин черпаемой печалью.

По вечерам он садился в зале, в темноте, включив только старую желтую лампу, и долго, до глубокой ночи писал. Он никогда не видел, чтобы дядя Алан спал.

Вот он выглядывает из дверей во двор: во дворе стоят отец и дядя Алан, смотрят на старую сливу, щурясь на солнце, а рядом с ними ящик инструментов, какие-то доски, верёвки. Они что-то показывают друг другу, водят в воздухе руками, пробуют на прочность ветки старой сливы; и дядя Алан, склонившись над грудой досок, произносит задумчиво:

– Помнится, была в моем ящике как раз подходящая железка...

Но они сочиняют из того, что есть, и дядя Алан, сбросив плащ, лезет на старую сливу. Усевшись наверху, вяжет одной рукой хитрый узел, повисает головою вниз, зацепившись за ветку сгибами колен, и обменивается с отцом инструментами, длинные чёрные волосы откидываются и раскачиваются на ветру, и обнажается на шее белесый выпуклый шрам.

Или вот он сидит на следующий день на наведенной качеле, тихо раскачивается, и небо чуть смурно, а ветер гуляет в цветущей сливе. Качается качеля, качаются цветы, и кажется, будто дядя Алан в совершенном согласии с миром, неотъемлемая часть мира; он что-то пишет или рисует в блокноте, и жует яблоко, и наблюдает, как возятся осы в белых с розовыми прожилками цветах.

Жалгас робко подходит к качеле, садится на корточки, смотрит ему в лицо, залитое пятнистой тенью, задумчивое, иномирное, будто дядя Алан где-то далеко отсюда.

Тот вынимает из зубов карандаш и поворачивается к племяннику. В чёрных глазах облаками затянутое небо, и бескрайняя степь, и

дорогами полные ночи.

– Хочешь на качелю? Давай, садись.

Он встаёт, придерживая рукой веревку, и усаживается в корнях дерева, чуть подальше, чтобы не мешать. Но Жалгасу не нужна качеля; он следует за дядей и садится рядом на траву, молча глядя в глаза. Его особенно притягивают глаза эти.

Алан неловко улыбается. Он откладывает блокнот и карандаш в сторону, и тянется за чем-то в карман пальто; вдруг на ладонь ему, липкую яблочным соком, садится крупная чёрная оса.

Он замирает, чтобы не спугнуть, и улыбается, и медленно водит рукою перед глазами, рассматривая тварь. Она ползает у него по пальцам, деловито шевеля усиками и трогая мандибулами влажную, смуглую кожу.

Жалгас смотрит со страхом и отвращением, и отодвигается. Алан вскидывает удивленно брови.

– Ты боишься ос?

– Они мерзкие... и кусаются.

Дядя смеется.

– Да, да, конечно. Но зачем бояться?

– Как – зачем? Вдруг укусит...

Он качает огорченно головой.

– Бояться – это нехорошо. Вынуждает бежать от мира... Понимаешь, о чем я говорю?

Он снова заглядывает ему в глаза, серьёзно, без шуток. В глазах его сверкает бесконечная звездная ночь – страшная, невыразимо страшная, но ещё страшнее отвести взгляд, расстаться с этой ночью.

Он, может, тем и нравился Жалгасу, что говорил с ним на равных, как со взрослым; и не хотелось разочаровывать.

– Да, дядь Алан. Кажется, понимаю.

Он кивает и снова смотрит на осу. Оса между ними мелко перебирает усиками, и ходит из стороны в сторону пухлое брюшко.

Алан возится в кармане, извлекает маленький швейцарский нож, зубами вынимает лезвие.

– Смотри, первый способ победить страх: знание.

Жалгас таращится, не понимая; дёргается, когда дядя резким и чётким движением отсекает осе голову; она стоит ещё немного, не понимая, что случилось, и дергается нервно пухлое брюшко. Свежая царапина наливаясь кровью – дядя Алан рассек себе руку.

– У вас кровь!

– Ничего. Вот, гляди, – он протягивает окоченевшее тельце племяннику.

Тот со страхом, с опаской протягивает руку, дергается, когда мёртвая оса падает ему в ладонь. Она маленькая, лёгкая, чуть шерстистая на ощупь.

– Видишь? Она мёртвая. Она не ужалит. Потом расковыряй ее дома, посмотри, что внутри, если интересно будет. А теперь давай посмотрим на живых... – Он вытягивает перед собой руку, не обращая внимания на капающую с ладони кровь, и ждёт, пока сядет другая оса.

Ждать недолго. Эта уже обычная, желтая с черным. Знакомое – не такое страшное, понимает вдруг Жалгас.

– Смотри, сидит – и не жалит. Надо только не делать резких движений. И ты попробуй, только аккуратно.

Жалгас знает уже, что осы летят на сладкое; он берёт из рук дяди Алана огрызок яблока (тот кивает одобрительно) и смазывает себе руку липким, неприятным соком. Вытягивает руку и держит недвижно.

Алан подносит ладонь ко рту и сдувает осу. Та слетает резко, зависает, кружась рваными петлями, в воздухе. Подлетает к Жалгасу – тот недвижим, только чуть дрожат губы.

– Спокойней... – шепчет Алан. – Не делай резких движений, и не ужалит.

Оса пролетает мимо лица, Жалгас задерживает дыхание. Дядя смотрит, не моргая, и заметно вдруг, что тело его напряжено, сжато, как пружина. Оса улетает. Её уже не видно, но слышно, что она где-то близко, где-то за ухом; Жалгас сидит недвижно.

Наконец, оса подлетает и садится на вытянутую руку. Жалгас чуть вздрагивает. Он чувствует, как оса ходит из стороны в сторону, щекочет кожу лапками.

Жалгас улыбается и смотрит на дядю. Тот улыбается тоже.

– Здорово!

– И верно. Страшно?

– Немного...

– Это правильно. Нельзя совсем не бояться.

Жалгас смотрит, как по руке его ползает живая оса, совсем не страшная; чувствует, будто какая-то часть вселенной открылась

ему, подчинилась его воле. Они сидят в тишине. Прохладный ветер обдувает щёки. Качаются тихо качели.

– Знание... Я понял, дядь Алан! Знание побеждает страх.

– Да, конечно... – лицо его вдруг мрачнеет на секунду, он будто в чём-то сомневается, но убирает волосы с лица, и взгляд его твёрд. – Но это только часть знания.

Жалгас удивлённо поворачивается. Оса щекочет ему запястье.

– Ещё раз – чем пугает тебя оса?

Жалгас, не понимая вопроса, глядит на осу. Та двигает жвалами, деловито озирается по сторонам. Пульсирует заострённое брюшко.

– Ну... укусить может.

Алан кивает – вопрос был риторический.

– Верно. А тебя кусала оса раньше?

Качает головой.

– Никогда...

– Меня кусали осы. Много раз... Ничего страшного не случилось. Понимаешь?

Взгляд его недвижим. Во взгляде горит тёмный, мрачный огонь. Жалгас пугается – не осы, а этого странного, непостижимого человека.

– В мире много вещей, которых стоит бояться, но укус осы... Укус осы – это несерьёзно. Он болит, верно. Но проходит. Я много могу говорить, но слова тебе не передадут самого важного, не передадут заук, квалиа...

Жалгас отодвигается. Он забыл уже об осе, он понимает уже, что дядя имеет в виду, и страшно ему, так страшно от этого предощущения; он дёргает в отчаянии рукой – и вдруг резкая, жгучая боль пробивает иглою от ладони до сердца, будто вложили ему в ладонь раскаленный уголек; весь мир стягивается до этого уголька...

Дядя Алан уехал тем же вечером после долгого разговора на кухне с мамой, и на следующий день Жалгас играл во вдруг опустевшем дворе. Жарило с пустого неба солнце, и пустая недвижно висела качеля.

Ему было скучно и тоскливо. Друзей на улице у него не было, и вроде бы всегда он без них обходился, но почему-то именно сейчас навалилось чувство одиночества; чувство, что что-то очень ценное,

жизненно необходимое его покинуло, и непонятно, вернётся ли когда-нибудь.

Рука ещё болела, но совсем немного. Он играл сам с собою в мяч – кидал об стену и ловил, только чуть ныла укушенная ладонь, но было все равно, и сам он удивлялся, как всё равно ему теперь.

Он вдруг разозлился и бросил со всей силы, едва не попав в окно. Мяч звонко ударился о кирпичную стену, видевшую несколько поколений его предков, и, отлетев, запутался в ветвях старой сливы, посаженной прадедом. Жалгас вжал голову в плечи и слушал, как долго качаются ветки и клокочут потревоженные горлицы.

Мяч застрял высоко. Жалгас оглянулся – никого не было. Отец был на работе, мама ещё спала, и вид у неё утром был очень, очень усталый.

Жалгас оглянулся ещё раз и, попробовав босой ногой кору, стал взбираться. Жужжали в белых цветах осы – он сердито отгонял их и полз, карабкался ветка за веткой; краснел наверху мяч.

Ветки становились тоньше, и одна, последняя, совсем уже опасно качалась под рукой. Жалгас, чуть сместив центр тяжести, вытянулся и попытался ткнуть пальцем мяч. Близко было, мучительно близко, но не хватало совсем немного. Тогда он уперся ступней в какой-то бугор и вытянулся весь; мяч дрогнул и свалился с ветки, звонко шлепнув о битые кирпичи. Под рукою вдруг треснуло, и замелькали перед глазами ветки, листья, белые с розовыми прожилками цветы; и весеннее небо, и отвесные лучи солнца, и битые кирпичи; и больно било по бокам, и хрустело, и качалась старая слива; и что-то хлестнуло по шее, больно, до крови.

Он понял тогда, что лежит на битых кирпичях, на ковре из палых белых листьев и смотрит в высокое голубое небо, смотрит и видит в нем призрачно витающую луну и щедро рассыпанные звезды, и ночь в степи, и высокой травой заросшее поле, и отблески лунного света в реке, и пустую дорогу.

Эли Смолха

ДЕКАБРЬ-МАРТ- НОЯБРЬ

рассказ

Снег пошёл.
Давно уже.

Небо почернело, побелело, затем устаканилось в асфальтово-сером, будто отражение типовых домов, дорог и дорожек между ними, потом побледнело снова — в цвет проглотившему всё снегу.

Деревья оскелетились и утонули почти сразу.

Натянувшие мосты между крышами пятиэтажек ходят друг к другу пить чай и говорят о концах концов, иногда пьют что покрепче — по праздникам, много смеются и пытаются ничего вокруг себя не замечать. Двенадцатиэтажники смотрят на них свысока, но, как говорят двадцатники — это ненадолго.

О тех, кто исчез в “новой земле” думают так, будто они уехали в другой город. Наверное, они там роют пещеры, тоннели, вешают в них гирлянды и пользуются маленькими механическими фонариками: вжик-вжик-вжик, свет-свет-свет. У меня у самого есть такой. А лифты не работают. Лестницы покрылись ледяной коркой и утонули в темноте. Кто знает? Может там уже и нет никого. А может — и троллейбусы ходят.

Однажды ночью, как мне кажется, я слышал крик откуда-то снизу, или, быть может, особо визгливый порыв ветра, или просто приснилось. В последнее время и сны - белые. И метель. Иногда шум, из которого пытаешься выловить что-то, но всё теряется среди снежинок, одинаково-уникальных, как слова.

Эли Смолха — родился в 1998 году в Москве, выпускник Института Гуманитарных Наук МГПУ. Геймдизайнер. Исследует темы утраты и памяти на фоне распадающейся реальности. В центре внимания — человек на границе между сном и сном вечным. Рассказ «Дикие львы и домашние фикусы» опубликован в журнале «Дружба народов», 2019/10.

Четырнадцатилетие я праздновал, когда крыши пятиэтажек сравнялись с новой землей. Всё случилось внезапно, потому что время давно уже слиплось в кашу, а календари постарели на случайное количество лет. Я достал один с антресолей - цифры на нем были перемешаны, но выцветшие котята и собачки в окружении зеленой травы вызывали внутри какие-то трудноопределимые тёплые чувства. По этому календарю мне, как и месяц назад, через два дня исполнялось четырнадцать (пропустил тринадцать из-за возросшей суеверности), и я пошел на крышу с термосом и несколькими кружками, слишком тонкими и маленькими, но по какой-то традиции считавшимися «праздничными». Мои друзья уже ждали меня: некоторые календари странным образом совпадали, хотя, насколько мне известно, большая часть из них зациклилась на случайной последовательности холодных месяцев. Март-декабрь-январь. Январь-февраль-январь-ноябрь. Декабрь-декабрь-февраль. Кто-то пытался вычислить закономерность, кажется, тот мужчина в толстых очках с третьего этажа, но третьего этажа больше нет, и его труды остались где-то там, вне нашей досягаемости, с его вязаными свитерами и залысинами. Кажется, его календарь был... Март-март-ноябрь-ноябрь. Самый тёплый в городе.

Мои друзья уже ждали меня. Я уселся за стол (его вытащили наверх ещё когда-то там) и позволил им расставлять салатики, приборы и напитки.

Мостики качались на ветру. Люди ходили туда-сюда, голоса сливались в необычный гул на фоне полной тишины занесенного снегом окружающего всего. Жители нижних этажей, те, кому было слишком страшно оставаться в своих квартирах в ожидании неизбежного, разбухали от чая и разговоров, лопались от наигранного оптимизма и оставались лежать тряпочками на стульях. Рано или поздно они уходили домой, и, как правило, не возвращались, потому что снега становилось всё больше и больше.

— Давайте играть! — предложил Мыша, обычно тихий и рыжий, а сегодня — необычно блестящеголазый и почему-то выцветший, как мой календарь, — Правда или действие! Верю не верю! Правда или поедание таниной костлявой селёдки под шубой!

— Эй! — полубожиженно-полуповпросительно воскликнула Таня,

в прошлом — Татьяна Петровна, у которой все покупали хлеб и сладости в ларьке у пятого-локомотивного. Отчество и культура общения со старшими остались в новой земле, а наверх, вместе со всем содержимым ларька, вошла только сама Таня, вынужденная теперь оборонять свою селёдку, как последний форт на пути враждебных сил:

— Вчера весь вечер косточки выбирала! Селёдка — будто прям как свежая. Если в глаза не смотреть.

— Верю! Или мы ещё не играем?

— Яйца перепелиные. Последние. А картошка — цыганочка.

— Не, яйца куриные, а картошка обычная. Ну, какая там у тебя была. В общем, не верю.

— Пятиэтажек больше не видно. Мы их потеряли.

— Не вер... А, верю. То есть, вижу, — Мыша нервно засмеялся. Мыша-шестой-этаж. Мыша-февраль-февраль-январь. Я взял его руку под столом, наклонился и шепнул:

— Не возвращайся туда. У меня все комнаты свободны. Сам помнишь, родители...

— Да-да. Хорошо. Конечно, — он вывернулся, встал и стал накладывать всем какой-то вычурный салат. Брынза заиграла на гитаре тёплые аккорды и постепенно атмосфера оттаяла. Я закрыл глаза и позволил окружающим звукам наполнить меня, утащить с собой туда, в мой календарь, где трава, котята и щеночки улыбаются в камеру, все выцветшие и оттого синевато-холодные, но там, где-то за ними, где-то все еще поблескивает солнце. Странное слово. Желтое, но острое. Пускай не солнце, нет. Солнышко. Вот, вот, порыжело и все углы сгладились. Красота. Кажется, я задремал.

Тот мужчина с толстыми очками — где-то в метели. Пытается кричать? Ничего не слышно. Мужчина! Эй, мужчина! Я вижу ваш старый вязаный свитер, немного, через бурю — унылое терракотовое пятно, наверняка с катышками и незаметными пятнами, но — ничего больше, и звук теряется в одном сплошном голодном урчании метели. Эй? Эй?!

—...так вот, на твоём сейчас — тридцатое января, так? На моём — третье. У Мыши — третье февраля...

— ...Только вот у Брынзы — седьмое марта, и это не вписывается...

— ...десятичная система! Десять минус семь — три. Да и март — третий месяц...

— ...опять вы со своей математикой. У меня шестнадцатое. И всегда декабрь...

— ...десятичная система, шестерки раскладываются на тройки, а десятка это стабильное основание. Двенадцатый месяц в сумме чисел дает тройку. Значит у всех сейчас третье марта...

— ...скоро лето? Все закончится?...

Я открыл глаза и зажмурился от ударившего в лицо света — к окружающей белизне невозможно привыкнуть даже спустя... Я не знаю, сколько прошло времени. Мыша игриво продолжал:

— А если пятнадцатое?

— Три на пять, а в сумме вообще — шесть.

— А если... двадцать четвертое?

— Ну это нечестно. У кого сейчас двадцать четвертое? Ни у кого. Эй, у кого сейчас двадцать четвертое?! — крикнула на всю крышу Брынза, привстав, и получила в ответ несколько нестройных «ни у кого». Ухмыльнувшись, она рухнула обратно на стул и довольно произнесла: — Вот так-то. Холодная математика! Я близка ко всем разгадкам.

И она продолжила играть на гитаре какую-то мурчащую мелодию. Снег, вроде бы, ослаб, и я задумался, нет ли взаимосвязи и здесь. Мелодия, падение снега, количество снежинок на часах. Бабушка всегда мне говорила не увлекаться взаимосвязями, а потом обменяла комнату на последнем этаже столичного дома на большую квартиру здесь. На первом этаже. Март-март-ноябрь-ноябрь. Лишь две тройки, слишком много бесполезных единиц. Один плюс один — два, ноябри в сумме — двадцать два, сложить и получить четверку, провал. При умножении — сто двадцать один, в сумме опять злосчастная четверка. Ноябрь это смерть. Мне четырнадцать. Хоть четырнадцать это скорее пять, чем четыре — разница невелика, пятерка немногим лучше. У Мыши — пятерка, его февраль-февраль-январь, да и лет ему столько же, сколько и мне. Меня спасает календарь — декабрь-март-ноябрь. Сильные месяцы перекрывают чертов проклятый ноябрь, и я чувствую себя в некоторой безопасности. Должен ли я?

— Брынза, черт бы тебя побрал, теперь я снова думаю об этих цифрах, — я сжал голову в руках и постарался выбросить из неё всё, кроме салатов и праздника.

— Ой, не забивай себе, — добродушно произнесла Таня, докладывая в мою тарелку что-то неопределенно-розовое.

Электричество то пропадало, то снова появлялось — в разных частях здания, словно блуждающие огоньки или какая-нибудь колония призрачных электроугрей, плавающих в стенах. Видимо, сегодня наш дом осчастливился, потому что кто-то притащил древний магнитофон и врубил музыку на всю громкость, и за этим звуком из всех щелей выползли местные жители и их соседи.

— Весь шестой этаж танцует, — тихо заметила Брынза, когда все остальные влились в танцпол, — Скользко. Надеюсь с крыши никто не упадёт. Да. Ты следи за Мышей.

Я следил. Он танцевал, казалось, со всей силы, хотя ненавидел и танцевать, и слушать подобную бам-бум-трах попсу.

— Могу ли я рассчитывать на вечную жизнь, если я выдрала все лишние страницы из своего календаря? У меня всегда третье марта. Я закрасила все остальные цифры. Я избавилась от четвёрок. Я сожгла все, что хотя бы напоминает о ноябре.

Я понял, что она в отчаянии.

— Не закливайся на цифрах. Тот мужчина...

— А остались какие-то другие варианты? Я — танцевать. Кстати, на твоей правой косичке — розовый майонез. Это мода последнего сезона? Последнего сезона, ха, понял шутку?

— Язва.

И она ушла танцевать. Я взял гитару и некоторое время перебирал струны в случайном порядке, февраль-февраль-январь, ноябрь-ноябрь-март-март, март, март, март. Холодная мелодия, но что-то в ней есть. Что-то.

Мыша улёгся на диване и либо хорошо притворился, либо уснул сразу. Я сел на краешек дивана и некоторое время смотрел на его выцветшие волосы. Февраль-февраль-январь. Твёрдая пятёрка. Шестой этаж — одиннадцать. Если добавить возраст (хотя можно ли в текущих условиях с точностью говорить о возрасте?) получается слабая семёрка, и это даёт какую-то надежду... Чёртова Брынза. Я забыл о цифрах на какое-то время, но теперь они снова повсюду, как и тревога. Стемнело. Почему-то захотелось услышать мерное

щёлканье часов, как напоминание о существовании хоть какой-то чёткой последовательности, но батарейки сели, механизмы сломались или исчезли, и никаких нормальных часов больше не было. Только тишина, посапывание Мыши и отдалённые звуки ссоры где-то сверху. Что-то разбилось. Я решил выйти, повинуясь любопытству и общечеловеческому подсознательному желанию быть ближе к эпицентру любого взрыва, и сразу получил по лбу своей же дверью.

— Извините, — с металлическим оттенком произнесла чернокудрая женщина с большим фонарём. Ледяная. Кажется, я знал её: бесконечный отрывной календарь с одним только ноябрём, — Извините.

— Зачем вам фонарь? — зная ответ, просил я.

Она ответила одним лишь молчанием и побежала дальше вниз. Я сидел на полу, смотрел на капли крови, стекающие со лба на нос, капающие на бетон, отражающие в себе моё лицо и ждал, когда её шаги совсем затихнут, ждал, пока сама тишина разобьётся хоть чем-нибудь после этого.

— Всё в порядке? У тебя кровь! — видимо, свидание двери с моей головой разбудило Мышу.

— Ой, только без аргентинских мелодрам. Я знаю, что это за сцена. Ударился. Кстати, там женщина...

— Приложи лед или типа того. У тебя сотрясение? — кажется, он всё ещё пребывал в своем странном приподнято-обречённом настроении, — Ты умрёшь, если уснёшь.

— Ага, веселись. Я в порядке.

Остановив кровь при помощи замороженного куска сала (спасибо, свинка!), я лег на диван, и Мыша лёг рядом. Мы помолчали.

— Мне кажется, мы съели это сало... Какое-то время назад, — заметил он.

— Было дело. И, тем не менее, оно снова здесь. Может, потому что снова декабрь?

— Как ты думаешь, а Баронко появится снова? Та, что, ну, умерла?

— Не знаю, сомневаюсь в её съедобности, — я решил поддержать мышин сегодняшний чёрношутливый настрой, — Но если вернётся... Это будут хорошие новости. Она готовила неплохие драники из бесконечной картошки.

— Бесконечные драники! Для бесконечной зимы.

— Не расстраивайся. Всё закончится.

— Очень вдохновляет.

Мы помолчали ещё немного.

— Помнишь ту кузнечиху, армянку с тринадцатого этажа? Она мне по лбу дала. Случайно. Мне кажется, она пошла... ну... Ты спишь или что?

Мыша спал. Я вздохнул и мысленно попросил всех ночных духов не насыпать на меня сны про цифры, исчезающих женщин и терракотовые свитера. Крепко прижав к себе Мышу, я провалился в сон, в котором были только снежинки и далёкий гул ветра.

Возможно, мне стоило заколотить дверь, потому наутро рядом со мной никого не было.

— Ты не мог не предполагать, что это случится. Это уже случилось, не раз. Они уходят. Я предупреждала, — Брынза сидела на моей кухне, ела моё сало и позволяла себе быть правдорубкой в тот момент, когда это было нужно меньше всего на свете. Я лежал на ковре и смотрел в потолок, — Да и откуда тебе знать, с кем он водил дружбу, может он просто пошёл куда-нибудь, ну, ради социальной активности. Ты помнишь какой он был вчера.

— Шестые этажи занесло, Брынза. Я побежал туда, к нему, и лестничный пролёт уже... Лёд, темнота, ни звука. Сама знаешь. Уже шестые... Так быстро... — я закрыл лицо руками и попробовал закричать или расплакаться, но сил не хватило ни на что, кроме сиплого выдоха. Она была права. Он не был первым, он не был последним.

— Да, но снег почти перестал. Может до седьмых дойдёт только через несколько этих дурацких месяцев, если их вообще можно как-то назвать. Никогда не угадаешь.

— Бред.

— Что именно?

— Абсолютно всё.

— Больно, больно. Поэтому мы должны продолжать искать ответ. Календари...

— У него был не худший календарь.

Брынза пожала плечами и продолжила молча есть. Я встал и выглянул в окно. Белизна на тысячу горизонтов.

— Люди ходят вниз, не так ли?

— Один раз — ходят, — кивнула Брынза, — но, как в любом клас-

сическом ужастике, обратно уже не возвращаются. Может, конечно, потому что там хорошо и замечательно, но по моему мнению там что-то вроде чёрной дыры, сгустившегося пространства, какое-то искривление. Хотя Кирилл говорит, что это антинаучный бред, и скорее всего там просто дичайший холод, но я отвечаю, мол, дурак, тогда бы мы и сами чувствовали похолодание! Таня старается просто не думать об этом.

— Еще варианты?

— Сейчас, сейчас. Помнишь ту хипповую женщину, которая преподавала рисование? Она что-то несла про мифологические пространства. Логика уходит в аут, объяснения как класс не требуются и невозможны, просто смерть и темнота в своем истинном обличье, и я подразумеваю не сухонького мужика с косой и отсутствие фотонув, а саму идею.

— Я надеюсь, у них там просто свой город, — я закрыл глаза и представил себе подснежные тоннели с гирляндами, людей, спешащих на работу, счастливые воссоединяющиеся семьи. О, мы думали тут черные дыры и мифологические пространства, а тут, оказывается, такие вот пироги...

— Да, вполне вероятно, — надеюсь, до неё наконец дошло, что именно я хочу слышать, а что — нет, — В любом случае сейчас ты ничего сделать не можешь. Жди своей очереди. Ешь. Празднуй Новый год каждый день. Играй в снежки. Строй снеговиков. Потом все воссоединимся и будем танцевать и петь песенки, как в индийском фильме.

Она ушла. Может, обиделась. Всё равно.

Один человек много-много лет назад приказал горе приблизиться, и, не получив никакого ответа (нетерпеливый!), пошёл к ней сам. Кажется, теперь, в каком-то там году гора все-таки повиновалась и горделиво возвышается теперь на моём лбу. И болит. Будто бы грам это можно. Будто бы дверям можно делать горы. Будто бы кузнечихам можно швыряться дверьми...

Будто бы возможно что-то сделать.

Что я могу? Убежать с криком вниз, может даже не только с криком, но и с ледоколом и каким-нибудь даже огнемётом, прыгнуть в чёрную черноту рыбкой, а там уже и все ответы получить? Остаться лежать, тут, врати в ковер, стать ещё одним пугающим детей узо-

ром в бесконечных переплетениях ворсинок? Прыгать на крыше под трам-тарарам-музыку, пока крыша не проломится под ногами?..

Страшно.

Всё — страшно.

И бессмысленно.

Я проснулся.

Мыша сидел на подоконнике и смотрел в черное окно, хотя, наверное, не видел там ничего интересного. Просто драматичный момент моего пробуждения подразумевал именно такую позу. Долгое мгновение я провел в ступоре, затем вскрикнул и подбежал к нему, схватил за ледяную руку, тонкую, как сосулька.

— Вот так. Вернулся, — тихо сказал он, — Ничего там нет. Просто ничего. И холодно. Казалось, сознание с самых границ начинает просто исчезать. Первое мгновение — истерика, потом, почти сразу, когда мозг рассчитывает время до полного исчезновения — покой. Немного горечи, как полынь. Принятие. Мне снилось такое однажды.

Мне нечего было сказать. Мне тоже снилась смерть.

— Почти всё ушло, последняя капля. Я о тебе подумал. И тогда их увидел: мужчину и женщину. Она — с фонарём, он — в свитере. Я-то уже был готов, но кузнечиха мне прямо в глаза посветила, я попятился, споткнулся, выпал. Пришёл сюда. Ты... прости, что ли? Оно само. Как и всегда. Как и со всеми.

Мне нечего было сказать. Мне нечего было прощать.

— У меня в календаре пусто. Всё что было — вышло. Но мне всё равно. Я его вообще выкинул, бумажку. Прямо в эту черноту. Он улетел. Надеюсь, кузнечиха им фонарь подпитает, бумажка же.

Мне нечего было сказать. Декабрь-март-ноябрь.

— Я к тебе пришёл. И не уйду никуда... без тебя. Больше. Вот. Даже если всё вокруг бред. Ах да...Я когда очнулся... Вот что в руке было.

Он протянул мне небольшую баночку с простой надписью «лыжная мазь».

Мне было что сказать. И я сказал:

— Да.

В самом начале похода мы успели поспорить, собираемся ли мы ехать, кататься или шагать, но в итоге решили просто идти. Идти на лыжах через снег — вперёд. Таня завернула нам еды, а Брынза отдала свою гитару. Я надеюсь, бесконечный круговорот предметов подарит ей новую, а Таню никогда не занесет снегом.

Они уже давно позади. Впереди — рассвет. Полуденный, солнце на самом пике. Мы всё решили называть рассветом, даже закат, потому что это даёт надежду, а надеждой мы намазываем наши лыжи. Ну и мазью, конечно, куда без неё.

Я, конечно, не знаю, что нас ждёт.

Тем более - не знаю, что ждёт тех, кого мы покинули.

Но пока что бесконечное падение снега снова приостановилось и я просто надеюсь, что мы успеем добраться до солнца. Просто добраться до солнца.

Нет

Солнышка.

И, может, всё будет хорошо снова.

Владислав Резников

СОВЕРШЕННОЕ НИЧТО ИЛИ БЛА-БЛА-АГА

рассказ

Э то был дом, в котором умирали люди. Да, я знаю, это странное название — люди умирали во всех домах. Но нет. Это был дом, предназначенный для того, чтобы люди в нём умирали.

Это была небольшая комната, подобная стандартному номеру какой-нибудь средней гостиницы или санатория. Чтобы придать картине ясность, для себя я решил, что это был номер пансионата, где в нулевых-десятих годах проходили форумы молодых писателей. «Липки». Название пансионата было «Липки», как, в общем, и название форумов. Комната предназначалась для двоих постояльцев, с двумя кроватями-полуторками, расположенными параллельно: одна ближе к окну, другая — к двери, за которой тянулся длинный, изгибающийся коридор. Между кроватями стоял стол, за столом сидели мы.

А вот тут вопрос: кто — мы?

Кроме того, что рядом была моя жена Маришка, других людей я не знал.

И это не был писательский форум, хоть мы и обсуждали чьи-то присланные на конкурс работы. И если я правильно понимал усло-

Владислав Резников — родился в 1978 году в Белгороде. Прозаик, сценарист. Публиковался в журналах: «Дружба народов», «Наш современник», «Московский вестник», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Алтай», «Роман-журнал XXI», «Кольцо А», «ЛиТЕРРАтура», «Венский литератор» (Австрия), «Зарубежные задворки» (Германия) и др. Автор книг прозы: «Знаки пустоты» (Москва, 2015), «Нутрь» (Белгород, 2015), «Небесный бадминтон» (Курск, 2022). Лауреат Первого всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (Орёл, 2011), участник Форумов молодых писателей в Липках (2005-2014) и семинара прозы Союза писателей Москвы (2016). Выпускник сценарно-киноведческого факультета ВГИКа (2024).

вия конкурса, победители должны были умереть.

Все работы были собраны в единый файл, который пролистывался на стене, как на большом экране. Текст видно было довольно бледно — в комнате включён был свет — но, в общем, читаемо. Каждый новый рассказ начинался с новой страницы, а под каждым предыдущим стояла подпись автора и синяя гербовая печать. Возможно, она означала, что автор был ознакомлен с условиями конкурса, и какое-то ведомство подтверждало это своей печатью.

Вряд ли наше мероприятие было официальным, потому что у меня в руках была открытая бутылка с пивом, которое, казалось, что не кончалось. Я, не особенно стесняясь, время от времени из этой бутылки отпивал и не чувствовал вкуса, и столь же, не особенно стесняясь, отрывивал, когда естественным образом для этого возникала потребность.

Похоже, что я был в числе тех, кто выбирал победителя, а точнее — несколько призовых мест, так как один покойник уже находился в какой-то из соседних комнат, укрытый белой неподвижной простынёй. А может, конечно, и не один. И время от времени я ловил себя на мысли о том, что слегка обеспокоен тем, что этой ночью мне придётся ночевать в доме, ну вы понимаете, в компании определённого количества мертвецов.

К тому же, с мёртвыми тут дело обстояло не так-то просто. Одна женщина уже вернулась, и было ей не сказать, что очень хорошо.

Я даже не вполне представляю, это вообще возможно — лечь спать и уснуть, зная, что где-то за стеной или этажом выше или ниже, над тобой или под тобой кто-то спит уже вечным сном, и температура тела его аналогична температуре воздуха?

Думать об этом, конечно, не хотелось, но стоило только представить, как ты поудобнее взбиваешь подушку, переворачиваешь её прохладной стороной вверх, чтобы уютней прижаться щекой, как кутаешься в одеяло, заправляешь в него одну ногу, другую, со всех сторон подтыкаешь под себя и закрываешь глаза...

Но тут же открываешь их, потому что знаешь, что метрах в десяти от тебя — вот так же, на такой же полуторке в соседней комнате лежит мёртвое тело. Отчего-то думаешь, спят они без снов, или им тоже что-то снится? Им — мёртвым. Может быть, им снятся живые, как живым иногда снятся мёртвые? Может быть, кому-то снюсь я?

Мы сидели с Маришкой на краю той кровати, что была ближе к окну, лицом к выходу. Маришка тщательно отслеживала каждый выпитый мной глоток и наигранно улыбалась. Я знал, что по окончании всего, когда мы окажемся дома, меня ждёт, как минимум, сцена, а то и скандал по поводу того, что я только бухаю и пишу неизвестно кому.

— Кому это ты пишешь? — спросила Маришка.

Передо мной на столе лежал планшет с открытым чатом, в нём было видно только что отправленное мной сообщение:

«Бла-бла-ага»

— Литературному критику Коробкиной, — ответил я.

Можно было сказать и просто: «Коробкиной», но тогда был бы вопрос, кто такая Коробкина? Можно было сказать: «Критику Коробкиной», но последовал бы вопрос, и кого же она критикует? Поэтому я ответил максимально всеобъемлюще, дабы избежать дальнейших расспросов. Но следующий вопрос всё же прозвучал.

— И что это значит?

— Она поймёт.

И это был, пожалуй, худший из возможных ответов, и одной сценой дома точно не закончится. Спасибо, Маришка моя — женщина мудрая, и не стала начинать раньше времени, продолжив следить за тем, как я пью своё безвкусное пиво.

Было видно, что на той стороне открытого чата моё сообщение было прочитано, и литературный критик Коробкина писала что-то в ответ. На это недвусмысленно намекали три мигающие точки вверху экрана и надпись:

«Ваш собеседник печатает вам сообщение».

А между тем, женщина, вернувшаяся и сидевшая напротив, выглядела не очень хорошо. Она была заплаканной и бледной, лицо было опухшим от слёз, но глаза были сухи. Вся она была как будто присыпана белой пудрой, сахарной, невесомой, осыпающейся и разлетающейся тающими облачками. Лицо и одежда были тёмными, бледными, почти бесцветными. Она пристально смотрела в черноту окна за моей спиной, беспрерывно ощупывая пальцами свою нижнюю губу, словно никак не могла поверить, что она у неё там есть.

Слов никаких не находилось. Что следовало говорить в таких ситуациях, похоже, не знал никто. Может быть, она уже всё сказала,

что хотела сказать, и слышала все возможные слова поддержки, и теперь просто ждала, как и все мы ждали того, что будет дальше.

Она была победительницей литературного конкурса, с правилами которого была ознакомлена под роспись, и об этом свидетельствовала синяя гербовая печать. Тело её лежало сейчас в одной из соседних комнат, где был выключен свет, и лёгкая белая простыня, которой было накрыто тело, синяя в темноте, не вздымалась от её дыхания.

Три точки вверху экрана продолжали мигать. Я постоянно поглядывал на них, вместе с тем стараясь не упустить ничего из того, что могло произойти в комнате. Как и то, что Маришка тоже смотрела на эти точки. А они мигали, мигали и перестали.

В комнату вошла новая женщина и остановилась у ближней к двери кровати. Внимание всех сидящих за столом обратилось к ней. Она замерла, словно боялась пошевелиться, чтобы не стряхнуть с себя белую пудру, которой вся была обсыпана. Тёмные белки глаз были красными от слёз, ещё не высохших в её глазах. Слёзы оставляли тёмные следы на белой пудре щёк строгими прямыми полосками.

Всё ещё стараясь не шевелиться и не смотреть ни на кого конкретно, она осторожно, словно опасаясь услышать ответ, спросила сразу у всех:

– Как..., – она перевела дыхание. – Как я выгляжу?

Выглядела она не очень; примерно так же, как и та женщина, что уже сидела напротив меня – бесцветная, потерянная, тихая. Кто-то столь же робко, словно пробуя на ощупь звуки собственного голоса, ответил:

– Получше.

– Да-да, точно лучше, – добавил кто-то.

– Правда? – она еле-еле попробовала улыбнуться.

Взгляд её несмело заскользил по обращённым к ней лицам. Она, словно ладошкой по кругу с каждым здоровалась – хлоп, хлоп, хлоп, хлоп – привет, привет, привет! Когда её взгляд встретился с моим, я, не задумываясь, сказал:

– У тебя и щёки порозовели!

– Правда?! – она с облегчением улыбнулась, и слёзы, переполнявшие её глаза, перевалили через край, тяжело упали на пол и раз-

летелись брызгами.

– Да-да, ты хорошо выглядишь!

– Ты прекрасно выглядишь! – поддержали меня голоса.

– Правда?! – всё не унималась новоприбывшая.

Она уже смеялась, растирала слёзы по лицу, не боясь растревожить белую пудру, рассыпающуюся с неё облачками.

– Правда, правда! – даже Маришка воодушевляюще ей закивала.

Женщина перелезла через ближнюю кровать, через стол и села на нашу, забравшись с ногами, устроившись спиной на подушке, поджав ноги и скрестив руки на груди.

Снова стало тихо. Женщина, сидевшая напротив меня, снова смотрела в черноту не зашторенного окна, в своё ещё более бледное отражение, чем то, что сидело в комнате, и снова ощупывала свои губы. Новоприбывшая тоже отпустила с лица улыбку и опустошенным взглядом смотрела на стену напротив. Я протянул ей свою бутылку.

– Может, пива?

Она безучастно кивнула, молча взяла бутылку, сделала глоток и оставила её у себя. Я сцепил руки в замок у себя на коленях, заметил на пальцах крошки белой пудры, стряхнул их, пошевелив пальцами. Пудра поднялась невесомыми облачками, повисела и осела обратно, на руки. На экране планшета снова появились три точки. Это сразу заметил и я, и Маришка. От критика Коробкиной пришло сообщение:

«Ага»

Маришка вопросительно уставилась на меня. Я посмотрел на неё:

– Что?

– Что? – отозвалась она и, пару секунд подумав, сказала: – Ладно, пожалуй, я пока пойду.

Похлопала ладошкой по моей ляжке, подняв с неё лёгкое облачко белой пудры, как бы говоря: «Потом, дома поговорим», встала, перешагнула через меня и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Я покивал, как бы говоря: «Ага, потом», также подумав, что надо бы тоже встать, выйти за ней, хотя бы, чтобы догнать, тронуть за рукав и попросить ещё немножко подождать, сказать, что скоро мы здесь закончим, и я приду, и чтобы она не обижалась. Или сказать что-то такое же, дурацкое, что несколько не имело значения и

не сыграло бы никакой роли ни для чего.

Я даже уже собрался встать, почувствовал, как напряглись мышцы ног, приготовившиеся к тому, чтобы их распрямить и привести моё тело в вертикальное положение, но что-то заставило меня отпустить эту затею. Что-то убедило в её бесполезности, в её бессмысленности. В бестелесности этой затеи.

– Выйду покурить, – сказала женщина, сидевшая напротив, встала со своей кровати и подошла вплотную к двери, но почему-то не вышла, а только покрутила и отпустила дверную ручку.

– Странно, – сказала она. – Не открывается.

– А вы на себя или от себя её? – спросил кто-то.

– Да я и так, и так...

– Да курите здесь, – сказал кто-то.

– Да? Можно? – Она обратилась сразу ко всем, и в какую-то секунду её сухие, но всё ещё красные от слёз глаза встретились с моими, и что-то такое в них я увидел...

Какую-то пустоту, какую-то покорность и принятие любого исхода по любому случаю. Откроется ли дверь? Не откроется? Можно ли ей курить здесь или нельзя? Сесть или стоять, дышать или не дышать? Будет ли она жить дальше или навсегда останется запертой в этой комнате?

– Можно, – я пожал плечами, покивал.

Остальные тоже поддержали:

– Можно-можно!

– Курите здесь. Зачем куда-то ещё ходить?

Я только в этот момент обратил внимание, что остальные – это тоже незнакомые мне люди, ещё более бледные и тусклые, с ещё более тёмными лицами, хоть и слой белой пудры на них был толще. Их образы были столь безликими и расплывчатыми, что нельзя было даже сказать, кто из них мужчина, а кто женщина. Похоже, что сидели они здесь очень долго.

Женщина вернулась на своё место, закурила, чиркнув зажигалкой, издавшей кремнем приглушённый звук и породившей робкую струйку бледного голубого огня.

– Угощайтесь, – женщина положила на стол открытую пачку сигарет.

Бросив взгляд на стол, я заглянул в открытый чат на экране моего планшета. В верху экрана появилась надпись:

«Ваш собеседник покинул чат»

Маришка, между тем, прошла по изогнутому коридору и зашла в одну из соседних неосвещённых комнат. Там в темноте, под лёгкой белой простынёй лежало тело человека. Откуда-то я это знал и мог это видеть, хотя и не видел, потому что сидел за столом в своей комнате. Знал я и то, что это не было тело первой или второй женщины. Маришка постояла рядом с кроватью, дотронулась до укрытых пальцев ноги под простыней, легонько потрепала за большой палец и вышла из комнаты.

ПӨЭЗИЯ

Лариса Сидорова

АПОРТ БЫТИЯ

* * *

живёшь
и тут
она подсекает
тебя
чьей-то смертью
обломом
черт знает чем
и потом спустя
время
подносишь зеркальце
спящему
чуду чувству телу
и с замиранием
понимаешь - жив
бог настоящего момента

Лариса Сидорова — родилась в Алматы в 1980 году. Практикующий психолог, арт-терапевт, занимается частной практикой, психолог социального проекта «Наставники» по социализации подростков из детских домов. В 2006 году окончила литературный мастер-класс в ОФ «Мусагет», в 2008 году — семинар по писательскому мастерству с зарубежными писателями, организованный British Council Kazakhstan. Публиковалась в журналах «Простор», «Апполинарий», альманахе «Литературная Алма-Ата». Пишет песни на свои стихи.

* * *

Ничто не менялось
особенно. Я
стояла, вкушала
апорт бытия.
И падал на плечи
мне звездный платок,
и ел из руки моей
единорог.
В раю было лето,
последние дни,
и звездами сыпались
с неба они.
И мы собирали
земной урожай -
налитые травы
и ягоды в чай -
шиповник, ромашку,
душицу, шалфей,
следы диких лис
и загадочных фей.
И, стоя у леса, на самом краю,
Казалось, земля утопает в раю.

* * *

Порою кажется вечной остановка между Бодхгаей и
Капилавасту.
Автобус приходит с неожиданной стороны.
Отвозит то в земное, то в небесное царство,
А те, кто решает эти вопросы, попросту не видны.

* * *

Сколько раз разбивался кувшин понимания мира -
столько раз черепки размягчала слезами
и лепила на круге гончарном я новый.

Сколько жизней прошло, сколько песен пропето
перед тем, как кувшин тот стал крепким от соли,
как китайское войско. Казалось, нашелся

алфавит — и читаю весь мир я, как книгу.
А теперь я сижу на веранде у вечного, глядя,
как дождем размывается соль и кувшин исчезает.

* * *

... Каждый раз, перелистывая страницу, смотрю, как
буквы теряют точку опоры и скатываются с горки листа
вниз, там перемешиваются и окончательно теряют все
значения.

* * *

Есть такой взгляд -
занавеску улыбки
колышет глубокая печаль...

* * *

На фестивале трав
в храме моей души
тихий голос позвал:
— Где твои глаза?
Смотри внутрь.
— Вокруг только травы,
растущие из земли.
— Смотри в эту землю -
в ней песни и шрамы,
живые и мертвые,
прошлое и грядущее.
Если чего-то и жаждет
душа —
это твоего взгляда в себя.

* * *

Душа врачуется душой,
и тело — телом.
И разговор с самим собой
Течет к пределам
И возвращается, к себе,
К глубоким водам,
В молчанье... В тишости, мольбе —
К небесным сводам.

* * *

Ну, что ты волнуешься, что частишь? Ты же частица
волны...

Андрей Дмитриев

ЦЕПЬ НАБЛЮДЕНИЙ

* * *

верблюду рекламирует жизнестойкость
ведь время /известно/ песок

чем шире пустыня тем масштабней
простор для скитаний

хрустит на зубах и куст в голове колюч

мы высохнем в этих гробах
но сначала хотелось бы право успеть

проявить жизнестойкость
а потом утолить-таки жажду

* * *

осколок бутылочного стекла
в пожухлой прошлогодней траве

сродни наконечнику стрелы
древнего кочевника

с тюрбаном из неистовых представлений
о природе пространства на голове

Андрей Дмитриев — родился в 1976 году, живет в Нижнем Новгороде. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях «Полутона», «Кварта», «Артикуляция», «ДЕГУ-СТА.РУ» и «Литература», в альманахе «Новый Гильгамеш», в журналах «Крещатик», «Новая Юность», «Дети Ра», «Prosōdia» и других.

в односложных доспехах
и на коне берущем начало
от степной саранчи

весеннее солнце тоже играет
в ассоциации

его точечное отражение
находит осколок частицей неба
разбитого на куски

история длится
и всё в ней выглядит как оправдание

ежели заострять внимание
лишь на фрагментах
проступающих сквозь тлен и прах

* * *

в берёзовой рубашке простоты
трепещет на ветру пейзаж доступный

втирает свет толчёное стекло
в нависший свод

так вечер истекая кровотоцит
и ждёт когда приложат лёд ночной

будь лириком до самого конца
ищи причинно-следственные связи
в любом слепом конфузе бытия

ведь даже птеродактиль /ну а вдруг/
над мусорным контейнером зависший

в надежде между делом поживиться

останками /допустим/ стегозавра

что сложены в бесцветные мешки
становится объектом поэтизма

особенно когда пришла весна
и жизнь опять возможна в очертаниях

углами занавесок пол подмечен
в границах быта

кончится война
попробуем быть менее наивны

при виде снов в берёзовых рубашках
и прочих оберегов простоты

чтоб так жестоко вновь не обмануться

* * *

селёдка скинув шубу проплыла
в банкетный зал

а там уже натёрли
чеснок где надо

и повсюду канапе
разложены как дань минимализму

играет что-то сытное внутри
разрытой оркестровой ямы

и если бы за скатерть не рванул
обрушив вниз густую мизансцену

какой-то громовержец во хмелю
закончилось бы всё сухим дождём

на стёклах горемычного трамвая
что мчался б в запредельное депо

по городскому тусклому кольцу
с окуклившейся гусеницей в чреве

* * *

речь гречневой россыпью
просеяна сквозь затылки

внимательный шьёт
невнимательный ищет штекер

часовой растянул свою тень
на всю длину заголовка

цапля глядит на восток
приняв боевую стойку
с высоко поджатым коленом

а тут мы из банальных дверей
продуктового магазина

как обычные люди
попавшие под раздачу

в пакете у нас
трепещется рыба-солнце

уму на разживу
а сердцу на основное блюдо

и если в конце концов
мир достанется только воронам

простим же себе
не столь постыдную слабость

однажды мы точно
так больше уже не будем

* * *

бутон распустился
из него появился другой

а из того как вы понимаете третий
ну и так далее

принцип матрёшки
берётся флористом
как стратегия репродукций

цепь наблюдений
прикована к очевидному факту

что жизнь непрерывна
в попытках выглянуть за
границы предложенных рамок

даже когда секатор
волен скрестить в мёртвой точке
обе несущие плоскости

ты тоже попался
на натурфилософскую удочку

ждёшь перспектив
от внешне статичной формы

а сам остаёшься
завязью в тесной кубышке

и не спешишь раскрыться
быть бесконечно живым

просто в силу
приобретённой уже привычки

в общественном месте
прикрывать ладонью экран смартфона

набирая в нём текст
чистосердечных признаний

* * *

за указательный палец
устало стянул перчатку

и она головоногим моллюском
с щупальцами из дерматина
покинула руку

высвободив для жеста
или пожатия
часть теплокровной плоти

которой однако
всё же бывает зябко

впрочем в городе март
почти что уже апрель
воздух влажен и свеж

ассоциации с морем
более чем уместны

пережившие кораблекрушение
обосновались на берегу
который казался б чужим

если б не долгие месяцы угрызений
тоски и бесплодной надежды

привязавшие к месту
по праву опутавшей пуповины

/да и где повитуха
что её перережет?/

сброшенная перчатка
похожа на мёртвого осьминога

его унесёт с отливом
во тьму отживших вещей

а мы останемся здесь
сигнальные жечь костры
из гальки складывать знаки

если кто и протянет нам руку
то пожалуй лишь сам Спаситель

в новеньком спасжилете
цвета небесной волны

тянешь ладонь навстречу
ловишь оттаявший воздух

но тесную связь с осьминогом
всё ещё чувствует кожа

и в облаке выпущенных чернил
зреют гроза и гром

предвестники скорой бури

Анастасия Дрибас

НЕТ, НИСКОЛЕЧКО

НАСТАСЬЯ

Было, не было, приснилось?..
В тыща сказочном году
в деревянном терему —
час иль век то диво длилось —
отдалась незнам кому.

Отдалась со всею страстью,
безотчетно да всерьёз —
ох, напьёшься жгучих слёз!
Поздно горевать, Настасья,
собирайся, твой обоз!

Топоры надрывно стонут —
деревянный сарафан
девке рубят. То бурьян
косы ей плетёт и стопы
омывает, с горя пьян.

То вопят дубы и ели,
то кукушка: «Ку-» и всё,
то со всех копыт несёт
конь, и воет снег, весь белый:
«Нашу детку смерть пасёт!»

Анастасия Дрибас - родилась в 1987 году в Белгороде. Первые стихи написала в 15 лет. По специальности коррекционный педагог, логопед, занимается частной логопедической практикой. Ранее не публиковалась. Живет в Белгороде.

* * *

Моей горечью
и полынь отравили.
Нет, нисколечко —
поднимайте на вилы —
нет, нисколечко
мне не страшно. Я — сено.
Мальчик Колечка
днём холодным весенним
скормит сено Бурёнушке,
прижимаясь к бокам её,
и, усевшись на брёвнышке,
будет старой показывать
на листе намалеванный
луг, усыпанный клевером...
В том сарае с полёвками
нынче в лето поверили.

МАРИОНЕТКА

Он сам себе стал дико скучен,
До отвращения смешон.
Есть руки, ноги, рот и уши,
И чувства ритма не лишён.

На тонких нитках трепыхаясь,
Тряпичный получеловек
Монету тянет и, вздыхая,
Кусает жирный чебурек.

Как все живые, спит ночами,
Гоняет по утрам чай,
Смеётся, злится и скучает.
Лишь на лице глаза — ничьи.

* * *

Не метя в жены,
Не стремясь в подруги,
Мне руку тронешь:
«Кто мы есть друг другу?»

Не выдав грусти,
Гляну сквозь как будто,
И голос хрустнет:
«Вот уже и утро...»

* * *

Неприменно ночью
шла детей рожать.
Солнце спит, не вскочит!..
Я успеть разжать
губки им хотела,
до восхода взять
право стать им первой.
Предрассветна мать.
Тянет рот послушный
луч — предмолоко.
И от счастья душно —
грудь взяла легко!

ТЕОРИЯ

Василий Ширяев

ТАБОР УХОДИТ В НЕБО ПО ТРУБЕ

Подготавливаясь к обсуждению книги Алисы Аве «Хроники Перепутья», задумался я об общей схеме волшебной сказки.

Сказка — квест пополам с трипом, потому что автобус вдруг превращается в лодку, лес живой и камни разговаривают. Любую сказку можно трансформировать в квест, и чем меньше там моментов «съешь меня, выпей меня», тем лучше.

По понятным причинам.

Превращение мифа в сказку можно кратко сформулировать так: цирк уехал, клоуны остались.

Землю у людей уже украли, продали и перепродали, а они продолжают кочевать.

Как продолжать кочевать, когда землю украли практически из-под ног?

Принимать внутрь «съешь меня, выпей меня».

В конце фильма Бёртона по главной современной сказке Алиса отправляется в Китай торговать опиумом.

Скачки в сознании описываются как блуждания по лесу. *Selva selvaggia* со времён Данте обозначает потерянность в самом себе. Лес — это мозг. Лес также — материя, гиль.

Земледельцы рожают магию. Я с 90-х гг. непрерывно занимаюсь дачей, и я имел наблюдать, как магия прорастает в головах во время ухода за обыкновеннейшей картошкой.

Василий Ширяев — родился в 1978 году на Камчатке. Русский литературный критик-истолкователь. Участник форумов в «Липках» 2008-2013 гг. Постоянный автор журнала «Урал», лауреат премий Демьяна Бедного, премии журнала «Урал», Волошинской премии, премии «Неистовый Виссарион» и премии им. Людмилы Пачепской. Участник литературной резиденции в Паратунке. Автор книг «Камчатский язык», «Колодцы», сборника «Камчатский текст».

10 000 лет назад люди нашли дикую пшеницу, быстрые углеводы дали кайф и перестроили питание. Люди впали в зависимость от хлеба и осели на землю. Это похоже на зависимость от сахара сейчас.

Миф сделан кочевниками. Кочевники всегда возвращаются на пути своя и дискурсом освящают землю. Фрагменты мифа связаны у них с участками местности. Уроки связаны с урочищами. Это использование мнемонической техники «дворец разума» на плоскости. Жизнь — это дорога. Смысл жизни — конец пути. Или вечное возвращение. Кочевники придумали осмысление жизни через нарратив.

Когда кочевье было украдено, а земля продана, человек стал кочевать из пустоты в пустоту — «из манды в могилу». С тех пор блуждание (error) героя волшебной сказки от испытания к испытанию напоминает кроличьи норы лифтов (где герой проходит elevator pitch), а также путешествия в метро — царство мёртвых.

Раньше кочевник сам пожирал пространство, снимал внутри головы своё кино, а потом перекладывал его в миф. Разумеется, со свойственными человеку «ошибками выжившего».

Теперь есть журналист, который соберёт их слова, сценарист, который выкинет лишнее, и продюсер. Документалка превращается в миф парой изящных движений — крупный план и «монтаж!».

Dream world, dream time

It is yours, it is mine

В 2020 г. «Оскар» получил фильм «Земля кочевников» Хлои Чжао. Дмитрий Козловский указал на отличия фильма от книги Джессики Брудер:

«...кочевой образ жизни светел и приятен и даже может сойти за эксцентричное хобби — это вовсе не стратегия выживания в эпоху, когда непомерные цены выжили американцев из обычных домов, и они вынуждены искать способы существовать на гроши.»

«...бездомные пенсионеры, вынужденные наниматься на самые низкооплачиваемые должности, часто вредные для здоровья, на самом деле «хозяева своей жизни и могут себе позволить бездумно, пусть и меланхолично, наслаждаться вечной красотой природы».»

В русском переводе «Путешествия в поисках Америки» Стейнбека есть фраза: «Почему семья предпочитает жить в мобиле?»

Можно подумать: родители и дети втыкают в смартфоны.

На самом деле «мобиль» — жилой прицеп.

«Парки мобильных встречаешь повсюду — они вползают на склоны холмов, скатываются к речным руслам. Понятие недвижимости как источника и символа богатства глубоко укоренилось в нашем сознании. А теперь огромное количество людей нашло способ обходиться без неё».

Стейнбек и сам колесит в фургоне «в поисках Америки».

Один приятель сказал ему:

«Было у нас раньше нечто, было некое достояние, которым мы очень дорожили. Называлось это — Народ. Выясните, куда он подевался».

Стейнбек отправился в поисках Америки (т.е. Народа) — и не нашёл искомое.

Отчего сие?

а) Он не нашёл настоящих людей, потому что они хорошо спрятались.

В другом месте он и сам признаётся:

«Я, как появился на свет божий, так сразу и потерялся, и не люблю, когда меня находят».

б) Все люди превратились в посредников. В «людей без свойств».

«Хозяин одной лавки признался мне, что ему приходится делать бизнес с обеими сторонами (республиканцами и демократами), и он не может позволить себе такой роскоши, как собственное мнение».

Их нельзя поймать на слове.

в) С помощью мобильных телефонов люди превратились в кочевников собственной внутренней пустыни.

Однажды в молодости Стейнбек сторожил летнюю дачу:

«Я обнаружил, что круг моих реакций начинает постепенно сужаться. Прекратились разговоры с собаками. Я чувствовал, как приглушается у меня острота восприятия, всё стало ограничивать доминанта «Удовольствие — Боль». И тогда в голову мне пришла мысль, что тончайшие оттенки чувств, быстрота реакций — это результат человеческого общения, а без общения они имеют тенденцию к постепенному угасанию. Когда человеку нечего сказать, у него и слов

нет. Когда у человека нет никого, кому он мог бы что-то сказать, то слова ему не надобны».

Стейнбек отлично подметил ритм одиночества:

«Если рядом с тобой человек, ты закреплён за определённым временем, и это время — настоящее, но когда к одиночеству при-терпишься, то прошлое, настоящее и будущее текут рядом. Воспоминания, то, что происходит сейчас, предвидение будущих событий — всё это охватывает тебя сразу».

«Люди отказываются от долгосрочной ментальности в пользу краткосрочной. Те, кто может, обитают во времени, кто не может — ютятся в пространстве».

г) Настоящих людей убили.

Стейнбек в юности знал полковника Чарльза Скотта Вуда, который в молодости добивал индейцев:

«Вождь Джозеф уводил племя нез персе с женщинами, детьми, с собаками и всем домашним скарбом за тысячу миль под ожесточённым обстрелом, пытаясь пробраться в Канаду. Кончилось тем, что кавалерийские части под командованием генерала Майлза окружили отступающих и большую часть уничтожили. По словам Вуда, это был самый тяжкий долг, который ему пришлось выполнить, и у него навсегда сохранилось уважение к боевому духу индейцев племени нез персе.

— Если бы они были одни, без семей, мы бы их не догнали, — рассказывал он. — А при равных силах и равном вооружении нам с ними никогда бы не справиться.

— Это были люди, — говорил он. — Настоящие люди».

Сам Стейнбек, как истинный ирландец, на вопрос «Куда подевался Народ?» ответил вопросом:

«Может быть, под словом «Народ» всегда подразумеваются те, кто жил за поколение до нас?»

Нью-йоркский литературный критик Маршалл Берман описывает процесс модернизации цитатой из «Коммунистического манифеста»:

«Всё твёрдое растворяется в воздухе».

Переход из твёрдого состояния в газообразное — либо сгорание, либо сублимация. Табор уходит в небо по трубе.

Остальные умрут от сердечно-сосудистых.

Небольшая хронология:

1877 — ликвидировано племя нез персе (проколотых носов).

1960 — Стейнбек путешествует с Чарли в поисках Америки.

1968 — The Doors спели: *Not to touch the earth, not to see the Sun, nothing left to do but run, run, let's run!*

(Напомню, что одно из основных впечатлений Джима Моррисона — как бы сейчас сказали, травма — это мёртвые индейцы на дороге.)

2000 — вышел фильм «Большой куш», в котором действуют кочевые ирландцы. Одного из них сыграл Брэд Питт.

2020 — вышел фильм «Nomadland».

ПЕРЕВОДЫ

Тобиас Хилл

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ

Перевод с английского Ильи Одегова

ДНЕВНИК МЕДОВОГО МЕСЯЦА, ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

У таксиста было два обручальных кольца. Он сказал: «Приехали, вот он — отель «Анджелин», жемчужина великого Второго города Америки. А теперь выметайтесь из моей машины, грёбаные япошки».

Самолёт был таким красивым. Еду подали: сашими отдельно, овощи отдельно — всё как надо. Облака в иллюминаторе выглядели как очищенный от мусора мир. Мне хотелось остановить самолёт, выйти и намазать себе лицо и руки облаками. Наверное, они холодные и пахнут железом, как снег. Лос-Анджелес пахнет только машинами.

У таксиста шея была в веснушках, как у лосося, и на плечах росли рыжие волосы. Когда он оскорблял нашу страну, он даже не обернулся. Думаю, он сам стыдился своей злости. Я никогда не слышала такого оскорбления. Даже по телевизору.

Я плакала, когда Синдзо помог мне выйти из машины. Он ниче-

Тобиас Флит Хилл (30 марта 1970 — 26 августа 2023) — британский поэт, эссеист, автор рассказов и романов. В 2003 году он был номинирован на звание одного из лучших молодых писателей Великобритании по версии Times Literary Supplement. В 2004 году был выбран одним из поэтов нового поколения страны. Его романы издаются по всему миру. Среди его наград — премия Эрика Грегори в 1995 году, премия Изна Сент-Джеймса в 1997 году и премия Pen/Macmillan Silver Pen в 1997 году. В 2007 году приезжал в Казахстан в качестве преподавателя семинара для казахстанских писателей, организованного British Council.

го не сказал водителю. Перед отелем «Анджелин» стоял мусоровоз — чёрно-жёлтый, как мякоть подгнившего банана. В туристическом буклете мусоровоза не было, там были только юные пальмы в европейских кадках.

Синдзо сам вытащил наш багаж из такси. Он молчал — и тогда, и позже. Мы пошли и встали у шоссе Тихоокеанского побережья. Над полосами движения мы смотрели, как океан танцует в своей чешуе из пайеток. Через некоторое время Синдзо показал, где должна быть Япония. Мы сели на грязные камни, совсем не похожие на лагуну Малибу, и махали руками, пока нас не нашёл управляющий отелем. Он был в серебряном костюме и выглядел несчастным. Он провёл нас в отель «Анджелин», в номер для новобрачных. На кондиционере были нарисованы младенцы-ангелы.

Мне кажется, Синдзо — слабый человек.

ДНЕВНИК МЕДОВОГО МЕСЯЦА, ВТОРОЙ ДЕНЬ

Номер для новобрачных красивый и чистый. Я сижу у балкона уже двадцать минут, практикуюсь в английском. Из окна я вижу океан, пальмы со светлыми лебедиными шеями и пустырь, где играют в баскетбол чёрные парни. Они грациозны, как танцоры. Две высокие девушки смотрят на них из окна сверху. Ещё я вижу ларёк — там можно купить солнцезащитные очки за \$3.99 и сок за доллар. Ещё цветы бугенвиллии у пиццерии и тощую собаку, прикованную за ней. Ещё зелёные холмы вдали. Над ними — горы. Где-то там, наверху, водятся койоты. Ещё дороги, по которым ползут вереницы машин, словно змеи. У некоторых из них есть плавники. Некоторые — цвета шампанского, а другие — зелёные, как шартрез, который моя мать пьёт по четвергам за маджонгом. И тёмный смог внизу — цвета ячменной пыли во время жатвы. Признак усталости великого города. Интересно, Лос-Анджелес больше Токио?

Синдзо спит, как мёртвый. Его впалые щёки покрыты потом. Это мой муж, наследник моего отца. Отец говорит, что он хороший бизнесмен. Они целыми днями продают зонты их фабрики, а по вечерам пьют в барах, где хозяек зовут «Мама», и куда ходят только

офисные работники. Теперь, когда у него есть я, он не должен туда ходить. Пока у меня не будет ребёнка. Таков обычай.

Прошлой ночью мы занимались любовью. У моего мужа руки, как у лягушки из рисового поля — холодные и влажные. Под его мягкой кожей скрывается неуклюжесть и жестокость. Как существо, слишком долго прожившее в тесной клетке, он причиняет боль даже невольно. Я его жена уже три дня. Это был не мой выбор.

Скоро я закажу американский завтрак. Потом разбужу Синдзо, и он будет скучать по запаху мисо-супа, который я умею готовить. Потом мы снова займёмся любовью, хотя мне всё ещё больно. Потом выбор будет за мной. Мы можем пойти в Голливуд и в парк Universal Studios, а потом на бульвар Сансет, где я потрачу деньги мужа. Ему будет скучно, но он ничего не скажет, потому что он трус. Это мой медовый месяц, и я куплю американскую одежду в городе ангелов.

ДНЕВНИК МЕДОВОГО МЕСЯЦА, ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Моя мама говорила, что Лос-Анджелес — плохое место для медового месяца. Она говорила, лучше ехать в Европу. Говорила, что в Америке больше нет любви, только ненависть. Что это умирающая страна. Но мне очень нужно было сделать выбор.

Когда мне было шесть, я уже знала о своём позоре. Не помню, кто сказал об этом первым, но помню, как мама повторила это за завтраком в тот год. Повторила между делом, привычно. Пар от мисо-супа закрывал её лицо. Ей было тоже стыдно, что она не родила мальчика. Я была её. Но я была и её стыдом.

Итак, вот что я видела сегодня: Universal Studios и молодую актрису в машине с зелёными крыльями. Кино в американском кино-театре. Беверли-Хиллз, где улицы красны от цветов, а дома слишком большие для настоящих людей — только храмы могут быть такими. Юбка с улицы Ольвера. У неё пурпурные завязки, я купила её. Синдзо совсем не скучал. Ему нравится наблюдать за мной, за тем, как я двигаюсь.

После покупок он повёл меня на фильм Уолта Диснея. В кино-театре были кресла — дома, в Тосе, в кино нет кресел — а снаружи

мы видели актрису в красивой машине. В кино Синдзо гладил мои волосы, очень нежно. Он очень старается.

В Лос-Анджелесе никто не ходит пешком, только бездомные. Машин больше, чем людей, и воздух сладкий от их дыма. Машины со всего мира, и их шум повсюду, как стрёкот масляных цикад летом на родине.

Когда мы вернулись в отель «Анджелин», я хотела показать управляющему свою мексиканскую юбку, но он разговаривал с женщиной по телефону. Он был зол, и лицо у него налилось кровью. Он не поприветствовал нас.

Сейчас Синдзо в душе. Он поёт американскую песню. Он знает все американские песни с караоке-вечеров офисников. Иногда он учит меня словам — они странные, совсем не английские, а американские. Он добрый и у него хорошее сердце. Но он слаб.

Мой отец — храбрый человек. Семья Аомори старая и уважаемая на нашем острове Сикоку. Когда отец был молод, все семьи в префектуре хотели породниться с ним. Но в семнадцать он добровольно пошёл пилотом «цветка сакуры» на войну с Америкой. Он был единственным сыном. Семья готова была умереть, чтобы спасти страну.

Но потом война внезапно закончилась, и камикадзе больше не были нужны. Нужны были бизнесмены. Сейчас отец стар, но голос у него всё такой же сильный. Я его очень люблю. Я не позволю его обидеть. Не планировалось, что он умрёт так рано, но было решено, что я рожусь одна. Единственная девочка. Позор предкам и смерть имени. Отец заслуживал сына.

Но теперь у отца и матери есть Синдзо, который любит моё тело и взял мою фамилию. Моя смерть больше не будет позором. Отец умрёт счастливым, и я должна быть счастлива. Я должна стараться быть счастливой за всех.

Сейчас Синдзо смотрит новости по телевизору. Его тело белое, как у рыбы, и тонкое, но вполне неплохое. По телевизору репортёр показывает, как полиция пинает чернокожих в замедленной съёмке. Интересно, японские полицейские тоже пинают людей? Думаю, мама ошибалась. Америка полна смерти, но должна быть и любовь. Я займусь любовью.

ДНЕВНИК МЕДОВОГО МЕСЯЦА, ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

Мне нужно скорее родить мальчика. Я хочу, чтобы отец увидел его до своей смерти. Хотела бы я, чтобы Синдзо был сильнее. Я не уверена, что хочу, чтобы он стал отцом моих детей. Неправильно думать об этом во время медового месяца.

Сегодня управляющий отелем сделал нам подарок — бесплатную машину в аренду на два дня. Скорость в ней измеряется в милях, а цвет у неё розовый. Управляющий говорит, это потому, что это машина для свадебного люкса. А Синдзо говорит, это просто грунтовка под краску. Мне кажется, что она красивая. Управляющий советует нам поехать на пару дней в пустыню, в Диснейленд или ещё дальше. Но я хочу видеть Лос-Анджелес. Он меня волнует. Здания там сделаны из зеркал и солнцезащитного стекла, и на солнце они острые, как ножи.

После получения машины я позвонила матери в Тосу. Её голос был сухой и уставший. Мой собственный голос звучал, как камень, брошенный в колодец. Она спросила, какие американцы, когда они у себя дома. Я сказала, что они эмоциональнее корейцев. Она спросила, хорошая ли я жена, но я не улыбнулась этому вопросу. Я не хорошая жена. Я просто ношу имя, как младенец, который никогда не дышал и не улыбался.

На обед я съела мороженое в «Денни». Синдзо ел яйца и сосиски, и там подрались две женщины. Я не испугалась — по телевизору женщины дерутся всё время. Цвета были яркие, как в голливудском фильме.

Моё мороженое было с сиропом и мараскиновыми вишнями сверху. Потом — шарики мороженого с вкусом английского завтрака, кофейные вафли, лимонный сорбет, а внизу — «Кока-кола». Я почти добралась до лимонного сорбета, когда сзади закричала женщина.

Маленький мужчина с бородкой на кончике подбородка вскочил рядом с Синдзо. Он ударил по столу ладонями:

— Кошачья драка, ей-богу! — закричал он.

И все стали хлопать и свистеть. Я обернулась и увидела двух официанток. Одна, с прямыми жёлтыми волосами, как кукурузное

волокно, стояла на коленях и кашляла. Другая была очень тёмнокожая, худая, но сильная — она держала блондинку за волосы.

Тёмнокожая женщина кричала:

— Скажи ещё раз, ты, чёртово белое отребье, они и правда просто делали свою работу?

Потом:

— Ты теперь позвонишь им, да? Да я убью их. Позвонишь им, сука? Почему же нет? Они же твои вонючие свиньи.

У неё кровь текла со лба, и она пнула женщину на полу. Потом отпустила волосы и замерла, глядя в никуда. Рот её был грустный, словно она вот-вот заплачет.

Блондинка быстро встала. На баре стоял высокий стакан с шоколадным сиропом и серебряным дозатором. Блондинка схватила его и ударила тёмную женщину по рту. Все её зубы сломались. Она согнулась, и кровь с сиропом потекли вместе — коричнево-красная жижа. Мы ушли.

Синдзо теперь молчит. Он думает об этой драке иначе, чем я. Я смотрела на неё, как на ТВ. Для него это было по-настоящему. Потому он такой слабый.

Сегодня жарко. Перед агентством новостей «Юниверсал» жонглирует человек, и пот приклеил его одежду к телу, превратив её во вторую кожу — чёрную, красную и синюю. Никто сегодня не даёт ему денег. Ни одна машина не останавливается. Америка полна ненависти, но мы — японцы. Сегодня после обеда мы поедем в машине для новобрачных и посмотрим весь Лос-Анджелес.

ДНЕВНИК МЕДОВОГО МЕСЯЦА, ЧЕТВЕРТЫЙ ИЛИ ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Мы возвращаемся домой. Сотрудник японского консульства нашёл нам места в самолёте. Сейчас полночь или позже. Из окна я вижу звёзды и крыло — оно как дыра в звёздном небе. Внизу весь город — будто чертёж из огней, а вокруг — чёрная пустота пустыни и океана.

На западе — полоса огня, там фабрики. Ещё одна — к северу от Сансет-Бульвара. Но больше всего огня в даунтауне. Здесь, в небе,

нет ни шума, ни запаха гари, и всё выглядит красиво. Но когда мы заблудились, шум был ужасный. Город разваливался. Может быть, целые семьи погибли — отцы и дети.

Синдзо спит. Я накрыла его одеялом. Он мой муж, и я должна о нём заботиться.

Сначала было два взрыва, но Синдзо сказал, что это шины лопаются от жары. Мы пытались снова найти Ольвера-стрит, но оказались на Колорадо-авеню. Рядом с «Тауэр Рекордс» был зоомагазин, сирены выли. Синдзо остановил машину.

Магазин назывался «Всё, кроме трубокзубов». В дверях сидел кролик с длинными ушами. Витрина была разбита. В ней стоял мальчик — чёрный, с выстриженными на голове узорами, как собачьи зубы. Он смотрел на нас и что-то говорил. Потом из дверей вышел второй мальчик — с чёрными кудрявыми волосами. В руках он, будто младенца, держал попугая ару. Он пнул кролика, и они убежали.

Кролик остался в канаве. Я хотела выйти, но Синдзо не позволил. Какая-то женщина попыталась поймать кролика, но тот убежал, как и мальчики. Кто-то сказал, что вызовет полицию, и мы уехали.

Вскоре мы увидели столбы чёрного дыма к югу и востоку. Люди бегали стаями, как собаки. На стене была гигантская фреска с Пресли и Монро. Потом Синдзо заблудился.

Теперь он спит, как мёртвый, и я хочу, чтобы он не просыпался. В зале ожидания я спала на полу и видела сон о наших семьях. Они были живы, но их кожа была холодна, как у деревьев или как у Синдзо. Я проснулась на полу среди сотен людей. Смотрела на спящего Синдзо. Он носитель моего имени. Он вызывает у меня отвращение.

На Колорадо-авеню горела красивая машина. Это был старый чёрный «Ягуар», кто-то вылил ему на крышу красную краску и поджёг. Там был кореец, стоял у своего продуктового магазина и просил не грабить. Его английский был слабый, девочки смеялись, но пока магазин был цел.

Я не боялась, а даже волновалась, что нас никто не замечал. Всё ещё казалось, что это телевизор. Я закурила от прикуривателя и спросила у Синдзо, куда мы едем.

— В отель. А потом уедем из этой ужасной страны, — сказал он. Руки у него соскальзывали с руля от пота. Он свернул на юг и задел пожарный гидрант. Вода взвилась в воздух и шлёпнулась на маши-

ну. Синдзо заскулил, как ребёнок, который не хочет, чтобы его слышали. Повернул обратно и въехал в какой-то переулок.

Когда я сказала, что мы едем не туда, он велел мне замолчать — очень мужским японским тоном. Я откинулась и смотрела, как сигарета превращается в пепел.

Переулок был полон дешёвых мотелей и кинотеатров с фильмами про голых женщин. Перед одним из них три девочки играли в вышибалы. Больше никого.

— Подожди тут. Я у них спрошу, — сказал Синдзо. Сначала по-сигналил, потом начал выходить, но девочки убежали. Тогда он разозлился и ударил по рулю. Гудок отразился от стеклянных стен с острыми углами.

— Сумасшедшая страна! — крикнул он. — Иностранцы — животные, убивают ради еды. Чёрт, зачем мы сюда приехали? Надо было ехать на Гавайи.

Я затушила сигарету. Сказала, что Лос-Анджелес выбрала я. Он посмотрел на меня и снова испугался. Потом мы слышали крики. Девочки вернулись, но не одни. С ними было много людей.

— Китайцы! Богатые япошки! — кричали они. Там было много молодых чёрных — как тех, что играли в баскетбол. Теперь у них были тележки с едой. Один мальчик швырнул ананас в машину. Тот ударил по крыше с грохотом и скатился по лобовому стеклу. Металл над моей головой вмялся.

Синдзо выдохнул — не устало, а в ужасе. Попробовал завести машину — заглохла. Все смеялись. Люди подходили, швыряли в нас еду — мимо. Или нет. Яйцо ударило в окно, я закричала. Сказала Синдзо заводить мотор, но машина не реагировала. Рыба ударилась о стекло, оставив белый слизкий след. Люди скандировали, кидали в нас яйца и фрукты.

Это длилось долго. Синдзо пытался спрятать голову между колен, но ремень не давал. Тогда он закрыл лицо руками и заплакал.

Что-то во мне умерло. Он был отвратителен. Я поняла: не рожу от него. Потом в лобовое попала консервная банка. Стекло рассыпалось на тысячу бриллиантов.

Я склонилась над Синдзо, пытаюсь завести двигатель. Сзади раздался вой сирен и мегафон. Люди кричали громче, кидали ещё. Я спряталась под сиденье. На руках был сок или кровь. Я закрыла глаза, пела детские песенки. Потом выглянула — почти все ушли. По-

лицейские были со всех сторон. Женщина-офицер стучала в дверь Синдзо. Она выглядела очень обеспокоенной. Думаю, она стояла там давно.

Интересно, что во мне умерло? Не ощущение семьи — это легко уходит. Что осталось? После смерти отца я разведусь с Синдзо. Смогу ли? Придётся искать работу — может, в школе или детском саду. Я буду играть с детьми и делать вид, что они мои. Да, точно, это во мне умерли мои будущие дети. Я уже не так молода. Я разведусь. Никто меня больше не возьмёт. А я была замужем всего пять дней.

Парамедики дали Синдзо снотворное. Я попросила заехать в отель за вещами. Управляющего не было, дверь оказалась выбита. Уже вечер. Я стояла над трассой Тихоокеанского побережья, пока они искали наши вещи. С моста было видно, что океан горит огнём — до самой Японии.

SØZDAY

Независимый литературно-художественный журнал

Наш журнал — это независимый литературный проект, созданный для поддержки и продвижения современной авторской прозы и поэзии.

Журнал представляет собой сборник литературных произведений, публикуемый в электронном и ограниченном печатном виде (тираж не превышает 99 экземпляров и предназначен исключительно для частного пользования).

Мы не являемся средством массовой информации, не публикуем новостные или публицистические материалы и не осуществляем информационную деятельность.

Все тексты — авторские произведения художественного и философского характера, распространяются исключительно в рамках культурного обмена и с соблюдением авторских прав.

Редакция не имеет возможности вести переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность и содержание предоставленных материалов. Все материалы должны быть оригинальными и неопубликованными прежде. Права на тексты принадлежат авторам. Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке любых наших материалов ссылка на журнал SØZ-DAY обязательна.

**SØZDAY – ЭТО НЕКОММЕРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, НАЦЕЛЕННЫЙ
НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ.**

**ХОТИТЕ ОКАЗАТЬ НАМ ПОДДЕРЖКУ?
БУДЕМ БЛАГОДАРНЫ ЗА ВАШ ВКЛАД!**

**OUR MAGAZINE IS A NON-PROFIT PROJECT AIMED
TO DEVELOP THE CULTURE AND LITERATURE.**

**WOULD YOU LIKE TO SUPPORT US?
WE WOULD BE GRATEFUL FOR YOUR CONTRIBUTION!**

**ПРИГЛАШАЕМ НАЧИНАЮЩИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХ АВТОРОВ
НА КУРС ИЛЫИ ОДЕГОВА ПО ПИСАТЕЛЬСКОМУ МАСТЕРСТВУ**

«ЛИТПРАКТИКУМ: БАЗА»!

- Обучение сторителлингу
- Реализация таланта
- От 5 до 8 написанных рассказов по завершению курса
- Общение с единомышленниками
- Возможность публикации
- У выпускников курса уже более 50 изданных книг!

Подробности по ссылке: www.ilyaodegov.com/lit_baza

SØZDAY

#3 (04) 2025

Независимый литературно-художественный журнал
Основан в июне 2024 г.

www.sozday.kz

ISSN 3079-8108

9 773079 810825 >

Главный редактор

Илья Одегов

Координаторы

Жанара Аламанова
Дина Абдулхамид

Редакторы

Владислав Резников
Ольга Капитова

Веб и СММ

Алексей Талаев
Алия Нуржанова

sozday@sozday.kz
www.sozday.kz